

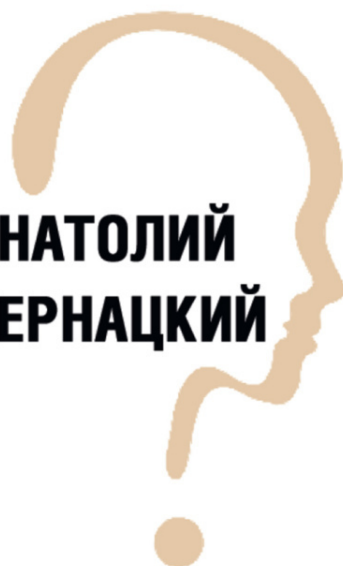
**ЛЮБОВЬ
ИЗМЕНЫ
СТРАХИ
ФОБИИ
УСПЕХ
ПОРОКИ
ВЗЛЕТЫ
ПАДЕНИЯ**

НЕИЗВЕСТНАЯ ЖИЗНЬ

**ПИСАТЕЛЕЙ,
ХУДОЖНИКОВ,
КОМПОЗИТОРОВ**

**АНАТОЛИЙ
БЕРНАЦКИЙ**

Неизвестная жизнь

Анатолий Бернадцкий

**Неизвестная жизнь писателей,
художников, композиторов**

«ВЕЧЕ»

2021

Бернацкий А. С.

Неизвестная жизнь писателей, художников, композиторов /
А. С. Бернацкий — «ВЕЧЕ», 2021 — (Неизвестная жизнь)

ISBN 978-5-4484-8530-5

Творческие личности порой не укладываются в обычные традиционные рамки общества. Многие писатели, художники, музыканты живут особенной напряженной внутренней жизнью, которая часто выражается в странном, шокирующем поведении, необычных привычках и прихотливых вкусах. Нередко общество отвергает их, нередко и они отвергают общество и при этом произведения их с лихвой искупают все странности и пороки создателей. О неизвестных сторонах жизни выдающихся писателей, художников и композиторов рассказывает книга А.С. Бернацкого.

ISBN 978-5-4484-8530-5

© Бернацкий А. С., 2021

© ВЕЧЕ, 2021

Содержание

Глава 1. Любовь зла	6
Данте и Беатриче: тайна великой любви	6
Лаура: загадочная муза великого поэта	7
Итальянская любовь Кипренского	9
Любовь двух гениев	10
Красные розы для Штрауса	12
Украинская любовь Бальзака	14
Верди и Джузеппина	18
Гектор Берлиоз: слезы любви и горя	21
Тайная любовь Сезанна	25
Идеал Рембрандта	27
Тихая гавань Гейне	29
Любовь Стивенсона	31
Загадочный роман Ференца Листа	34
Тютчев и Денисьева	36
Сватовство Гоголя	39
Как Аврора Дюпен стала Жорж Санд	41
Тайные страсти Эдуарда Мане	44
И эта вечная любовь	46
Три любви Чарльза Диккенса	48
Анна и ее любовники	50
Ах, эта первая любовь...	52
Тургенев и Полина Виардо	54
Роман с Галиной	57
Жены Хемингуэя	58
Женщины Рихарда Вагнера	60
Маяковский и Лиля Брик	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Анатолий Сергеевич Бернацкий

Неизвестная жизнь писателей, художников, композиторов

© Бернацкий А.С., 2021

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

Сайт издательства www.veche.ru

Глава 1. Любовь зла

Данте и Беатриче: тайна великой любви

Впервые Беатриче предстала пред взором Данте в 1275 году в 10-летнем возрасте. Он же был старше ее всего на несколько месяцев. Она была одета «в благороднейший кроваво-красный цвет, скромный и благопристойный, украшенная и опоясанная так, как подобало юному ее возрасту». С того дня образ юной Беатриче навсегда завладел сердцем такого же юного Данте.

И он стал ощущать постоянное желание видеть свою возлюбленную. «Часто он (Амор) приказывал мне отправляться на поиски этого юного ангела; и в отроческие годы я уходил, чтобы лицезреть ее. И я видел ее, столь благородную и достойную хвалы во всех ее делах...» Однако в течение всего этого времени он ни разу не заговорил с богиней своего сердца. Ему даже не посчастливилось услышать ее голос.

Но спустя девять лет произошло событие, положившее начало любви, которая приобрела чуть ли не космический масштаб. Об этой истории Данте рассказал в «Новой жизни»: «Проходя, она обратила очи в ту сторону, где я пребывал в смущении... Она столь доброжелательно мне поклонилась, что мне казалось – я вижу все грани блаженства... Я преисполнился такой радостью, что, как опьяненный, удалился от людей, уединяясь в одной из своих комнат...»

Но кто же была эта удивительная девушка, которая одним легким кивком головы смогла ошастливать величайшего поэта Италии? Сам Данте не только не назвал ее имени, но и сделал все возможное, чтобы как можно надежнее его скрыть. И это ему удалось. Даже те, с кем Данте постоянно общался, не могли раскрыть его тайну.

В своих сонетах поэт называет ее Беатриче, что означает «дающая блаженство». Но действительно ли она так звалась? Не вымышленный ли это образ, вдохновлявший Данте на создание величайших произведений?

Исследователи творчества великого итальянца установили, что в те годы жил во Флоренции богатый банкир Фолько Портинари. Именно его дочь и воспел поэт. Родилась она в 1267 году, спустя 20 лет вышла замуж, а в 1290 году отошла в мир иной в 23-летнем возрасте.

Ее смерть Данте воспринял чуть ли не как всемирную трагедию. И долго оплакивал свою Беатриче. После ее смерти никто не видел даже едва заметной улыбки на лице Данте. Свое же душевное состояние поэт излил в книге «Новая жизнь».

Тем не менее смерть Беатриче не помешала Данте жениться. Его супругой стала Джемма Донати. С ней его обручили в одиннадцатилетнем возрасте. Его же невесте едва исполнилось шесть лет. Она была дочерью некоего Монетто – одного из членов могущественного дворянского рода Флоренции – Донати.

Конечно, поэт понимал, что, женившись на Джемме, он совершил предательство по отношению к Беатриче. Но Данте не смог загасить свои чувства. Впоследствии он писал: «Частое свидание с этой донною довело до того, что мои глаза находили уже слишком большое удовольствие ее лицезреть. Вследствие этого я испытывал горе, я осуждал свою слабость и даже несколько раз проклинал суетность моих очей... Проклятые глаза, слезы никогда не должны были переставать течь из вас, разве только после вашей смерти».

Джемма родила троих детей и пережила великого поэта на несколько лет. Какое влияние она оказала на творчество поэта, сказать сложно. Ведь Данте о ней даже не упоминает в своих стихотворениях, а это, скорее всего, свидетельствует о том, что возвышенных чувств к ней он не питал и поэтической музыкой она для него не была.

Лаура: загадочная муза великого поэта

«Лаура, известная своими добродетелями и долго прославляемая моими песнями, впервые предстала моим глазам на заре моей юности, в лето Господне 1327, утром 6 апреля, в соборе Святой Клары, в Авиньоне. И в том же городе и также в апреле и также шестого дня того же месяца, в те же утренние часы в году 1348-м покинул мир этот луч света, когда я случайно был в Вероне, увы! о судьбе своей не ведая. Горестная весть через письмо моего Людовика настигла меня в Парме того же года утром 19 мая. Это непорочное и прекрасное тело было погребено в монастыре францисканцев в тот же день вечером. Душа ее, как о Сципионе Африканском говорит Сенека, возвратилась, в чем я уверен, на небо, откуда она и пришла. В память о скорбном событии, с каким-то горьким предчувствием, что не должно быть уже ничего, радующего меня в этой жизни, и что, после того как порваны эти крепчайшие сети, пора бежать из Вавилона, пишу об этом именно в том месте, которое часто стоит у меня перед глазами. И когда я взгляну на эти слова и вспомню быстро мчащиеся годы, мне будет легче, с божьей помощью, смелой и мужественной думою, покончить с тщетными заботами минувшего, с призрачными надеждами и с их неожиданным исходом».

В этих строках Петрарка, по сути, рассказал историю своей любви. Документов, которые бы так строго и тщательно изучались литературоведами, известно немного. Тем не менее исследователи не смогли за этими строками увидеть образ молодой девушки, представшей в тот апрельский день перед взором великого Петрарки. А ведь именно ей он посвятил более трехсот сонетов.

6 апреля 1327 года... В одном из сонетов, в котором поэт описывает это событие, говорится, что тогда была Страстная пятница. Однако, как оказалось, в тот день был Страстной понедельник. Что это: забывчивость поэта? Или, может, причина в другом? Кто знает.

Что же касается собора Святой Клары, то о нем ни в одном из своих сонетов Петрарка тоже не упоминает. Ведь в поэтических произведениях поэта Лауру можно встретить или на берегу реки, неторопливо несущей свои воды среди лугов, или неподалеку от многовековой дубравы. Ее окружают бескрайние просторы, голубое небо и яркое солнце.

В сонетах ее имя привязано к золоту, лавру, к нежным воздушным струям: *l'augeo crine* – золотые волосы, *lauro* – лавр, *l'aura soave* – приятное дуновение. Эти таинственные реминисценции заставляли исследователей предполагать, что Лаура – это всего лишь поэтический образ. И в реальности она не существовала.

К тому же так думали и многие современники Петрарки. Например, Боккаччо, с которым поэт находился в дружеских отношениях, писал: «Я убежден, что Лауру следует понимать аллегорически, как лавровый венок, которым Петрарка позднее был увенчан».

Еще один современник и товарищ Петрарки – Джакомо Колонна, тоже неоднократно заявлял, хотя и в шутовском тоне, что поэт придумал прекрасное имя Лауры лишь для того, чтобы все говорили о нем.

Безусловно, самым веским доказательством того, что Лаура действительно существовала, могли бы стать документальные свидетельства. Поэтому многие биографы поэта неоднократно пытались их отыскать.

Наиболее известными из таких свидетельств являются те, в которых говорится о некоей Лауре де Нов – матери одиннадцати детей. Эту многодетную мать влиятельный род де Сад даже отнес к своим предкам. Представители рода весьма серьезно отнеслись к образу Лауры и якобы даже обнаружили в 1533 году ее могилу. Правда, к этой находке серьезные ученые отнеслись с недоверием.

Также известно, что друг Петрарки – Симоне Мартини – написал портрет Лауры. Впрочем, вероятнее всего, это была миниатюра, поскольку Петрарка неоднократно упоминает, что никогда с портретом не расстается.

Существует также гипотеза, что Лаура поэта – это одна из женщин на фреске Симоне Мартини в часовне Святого Иоанна. Более того, она находится на переднем плане в процессии женщин: на ней голубые одежды и алая лента в золотистых волосах.

Однако главным доказательством реальности Лауры являются сонеты самого поэта. Внимательно читая их, можно почти явственно представить историю великой любви поэта...

Итак, в Страстной понедельник 1327 года в авиньонской церкви поэт увидел необычайной красоты даму, в которую моментально влюбился. Это и была Лаура, чей образ запечатлен во множестве сонетов Петрарки. Вероятно, в то время она была совсем молодой девушкой. Однако поэт не перестал любить ее и тогда, когда Лаура стала матерью, и, конечно же, годы отняли у нее и ее божественную красоту...

Весть о том, что Петрарка страстно влюблен, вскоре разнеслась по всему городу. И этого своего чувства поэт ни от кого не скрывал. Наоборот, в своих многочисленных сонетах он изливал все кипевшие в нем чувства. Причем представлял их в таких поэтических образах, что Лаура, безусловно, обратила на них внимание.

Конечно же, ей льстило такое восторженное отношение знаменитого поэта к ее персоне. И Лаура не осталась глуха к его душевным излияниям. Тем не менее она пыталась сдерживать страстные порывы Петрарки, опасаясь, что сама станет их жертвой. Но в то же время Лаура и не отталкивала поэта. Но повода для сближения она тоже не давала.

С годами Лаура начала относиться к своему возлюбленному снисходительнее: например, стала отвечать на его поклоны. Более того, как-то раз, увидев поэта, в ее присутствии погруженного в мечты, она даже коснулась рукой его щеки...

Любовь к Лауре ярким пламенем горела в сердце поэта целых двадцать лет, то есть пока она была жива. И, судя по сонетам Петрарки, никогда не угасала.

Итальянская любовь Кипренского

В свой первый приезд в Италию русский художник-портретист Орест Адамович Кипренский (1782–1836) для модели молодой вакханки в картине «Пляска вакханки с сатиром» пригласил девочку по имени Мариучча – дочь женщины легкого поведения. Там же, в Италии, Кипренский написал и портрет юной особы, известный как «Девочка в маковом венке».

И все то время, когда Орест Адамович писал картины с участием Мариуччи, ее мать постоянно выпрашивала у него деньги, объясняя свои финансовые претензии тем, что она очень страдает от разлуки с дочерью.

Несколько раз художник откупал у нее девочку. Наконец, в 1823 году, уезжая из Италии в Россию, художник окончательно выкупил Мариуччу у беспутной матери и официально оформил документ на право воспитания ребенка. Благодаря содействию высших церковных чинов Орест Адамович поместил ее в привилегированный монастырь. Выросший без отца и матери, Кипренский был безмерно счастлив, что может отдать часть своей душевной теплоты Мариуччи.

«Как можно оставаться равнодушным, – писал он друзьям, – видя около себя существо, которое живет и дышит только для тебя. Которому мнения мои составляют как бы правило, а желание как бы закон, которое удовлетворяет сердце мое нежностью, уверенность в истинной нерасчетливой любви ревностью, странную в девочке таких лет и показывающей в ней натуру, способную дойти со временем, в отношении меня, до самого высокого самопожертвования...» Увы, как выяснилось позже, Кипренский глубоко ошибся в своих выводах...

В 1828 году Орест Адамович снова прибыл в Италию, где написал картину «Девочка с виноградом». Вся картина словно залита добротой и нежностью. Возможно, теплота, пронизывающая каждый сантиметр полотна, была связана с новой встречей с Мариуччи? Ведь он оставил ее девочкой. Теперь же это была молодая красавица...

А вскоре Кипренский женился на Анне Марии Фалькуччи. Правда, чтобы получить разрешение на брак, художник вынужден был тайно принять католичество.

О своей супруге в одном из писем художник писал: «В настоящее время она одна соединяет в себе для моего сердца, для моего воображения все пространство времени и мира... Ни одного чувства, которое бы не относилось к ней, не пробегает в душе моей»...

Но как раз в это время Кипренского начинают преследовать творческие неудачи. Он стал терять заказчиков, что резко сказалось и на материальном благополучии семьи. Терзаемый финансовыми трудностями и подкрадывающейся нуждой, Кипренский, чтобы уйти от реалий жизни, все чаще стал выпивать. А молодая жена, чтобы не видеть мужа в безобразном виде, часто не впускала его на ночь в квартиру. И Кипренского не единожды видели ночующим на улице. Скорее всего, на холоде он однажды и простыл. А 17 октября 1836 года Орест Адамович умер от воспаления легких. Дочь художника – Клотильда – родилась уже после его смерти.

Любовь двух гениев

История любви любого выдающегося человека всегда интересна, поскольку в ней особенно ярко раскрывается весь его внутренний мир. История же отношений Жорж Санд и Фредерика Шопена интересна вдвойне, поскольку эти два человека являются выдающимися личностями.

Познакомил же их, и это подтверждают многие очевидцы, в 1837 году Ференц Лист. И первое впечатление, которое произвела Жорж Санд на Фредерика, было не в ее пользу. Композитору она показалась некрасивой. Ее лицо с резкими чертами и крупная фигура не вписывались в его идеал женской красоты. Он якобы даже бросил в ее адрес следующие слова: «Какая антипатичная женщина эта Санд! Да и женщина ли она? Я, право, иногда склонен в этом усомниться».

Зато Шопен с первой же встречи понравился Санд. И она стала пытаться привлечь его внимание к себе. А Жорж Санд, если хотела, могла выглядеть просто обворожительной. Но для этого требовался случай. И он вскоре представился. Точнее, появился он с подачи Ференца Листа, который уговорил Шопена съездить с ним в Ноан – имение Жорж Санд в Берри. Там Шопен смог ближе познакомиться с хозяйкой, и вскоре его антипатия к ней сменилась любовью.

Говорят – противоположности притягиваются. По сути, это был как раз тот случай. Действительно, Жорж Санд и Фредерик Шопен были чуть ли не антиподами. Как однажды заметил один из исследователей творчества композитора, в этой любви «Шопен был женщиной – нервной, причудливой, слабой и очаровательной, а Жорж Санд – сильным, энергичным мужчиной».

И то ли по стечению обстоятельств, то ли по воле рока, но именно этот деликатный и благовоспитанный человек влюбился в женщину, бросившую мужа, передевавшуюся в мужские наряды, курившую папиросы и проповедовавшую в своих произведениях, а также придерживавшуюся в жизни принципов свободной любви. Что связало их чувства в единый узел, сказать практически невозможно...

Зимой 1838 года влюбленные отправились на испанскую Майорку. Сначала они поселились в гостинице, а затем перебрались в полуразвалившийся картезианский монастырь. Мебели, кроме старых стульев, в монастыре не было. Но благодаря вещам, которые Жорж Санд приобрела у эмигрантов, она смогла создать в комнатах хоть какой-то уют и жилой вид.

Но романтику монастырской жизни, протекавшую первое время в ореоле любви, вскоре стали омрачать жизненные неурядицы. Так, неожиданно заболел Шопен, к тому же его болезнь все более прогрессировала. Но благодаря уходу Санд и благотворному климату болезнь отступила.

Помимо пошатнувшегося здоровья Шопена, жизнь на Майорке омрачали и многочисленные бытовые неудобства. Это – и дороговизна самой жизни, и несложившиеся отношения с местным населением, и даже плохая еда. Но главной неприятностью стала погода, которая вдруг резко изменилась, и вместо яркого солнца зарядили проливные дожди.

Все это, вместе взятое, негативно отразилось на настроении композитора, который стал чрезвычайно нервным и капризным. И Жорж Санд должна была терпеть его детские капризы и раздражительность. Практически весь день она не отходила от Фредерика и только ночами работала над очередным романом...

В мае Санд и Шопен оставили Майорку и вернулись сначала в Ноан, а затем отбыли в Париж. Первое время они поселились отдельно друг от друга. Но спустя недолгое время стали жить вместе.

Об амурных отношениях Санд и Шопена ходило немало самых противоречивых слухов. Одни говорили, что эта любовь доставляет композитору одни душевные мучения. Например, писательница якобы обращалась с ним грубо и почти с нескрываемым пренебрежением.

Другие очевидцы придерживались совсем иной точки зрения. Так, Адольф Гутман – любимый ученик Шопена – говорил, что Санд, наоборот, относилась к композитору чуть ли не с материнской заботливостью и они почти ни разу не ссорились.

Кто в данном случае прав, а кто виноват, определить довольно сложно. Возможно, в обществе они вели себя в соответствии с принятыми нормами. А вот наедине могли дать волю накопившимся негативным эмоциям.

Но какие бы отношения ни сложились между Санд и Шопеном, спустя десять лет после знакомства, в 1847 году, они расстались. Причин для подобного финала было немало. Так, Жорж Санд очень любила музыку, в то время как композитор к литературе относился почти с безразличием. К тому же Фредерик имел очень тяжелый характер. На публике он был мил и обаятелен, дома впадал в ипохондрию и дни напролет был не в духе. Особенно часто это происходило во время болезни композитора.

К тому же в последние годы Санд изменяла ему. Композитор это знал и, даже сознавая свое унижительное положение, не мог порвать свои отношения с Санд. Этот факт говорит о том, насколько сильно Шопен был влюблен в Санд.

И кто знает, как долго продолжалась бы эта неопределенность в отношениях Шопена и Санд, если бы не роман Жорж Санд «Лукреция Флориани», вышедший в свет в 1847 году. Сюжет этого произведения во многом напоминал историю отношений композитора и романистки: изнеженный и избалованный князь Кароль влюбляется в известную актрису Лукрецию Флориани, у которой трое детей от разных отцов. И любой, кто хотя бы мельком был знаком с биографией композитора, легко мог определить, что между ним и Каролем много общего. Можно лишь предположить, какой удар нанесла книга Санд по самолюбию Шопена. Но он снес эту публичную пощечину...

Конец отношениям двух выдающихся людей своей эпохи положила ссора Санд с дочерью, которая накануне вышла замуж. Романистка запретила ей появляться в своем доме, а также написала Шопену, чтобы тот тоже последовал ее примеру. Но Фредерик ослушался свою возлюбленную. Сама же Санд считала, что причиной их разлуки стала ссора Шопена с ее сыном...

После этого конфликта они виделись лишь однажды. Правда, когда композитор находился при смерти, Санд решила навестить его. Однако друзья Шопена запретили ей делать это, считая, что сильное волнение плохо скажется на его состоянии. А ведь Шопен ждал ее. Об этом он признался одному из своих друзей: «Она обещала мне, что не даст мне умереть без нее, что я умру у нее на руках». Но все произошло совсем по-другому...

Красные розы для Штрауса

В 1858 году австрийский композитор Иоганн Штраус побывал в России, точнее, в петербургском Павловске. С первых же дней он вызвал бурю страстей у молодых экзальтированных поклонниц его таланта. Доказательством служили десятки букетов, каждый вечер появлявшихся в его артистической уборной. И почти всегда к цветам прилагались записки – то восторженные, то интригующие, то откровенно любовные.

Однако, едва просмотрев, Иоганн откладывал их в сторону: и в Вене, и во время гастролей за границей он привык к этим мимолетным сентиментальностям женских сердец. Легкие приключения его интересовали мало: молодому, увлеченному романтическими образами композитору хотелось возвышенных чувств, большой и светлой любви.

И вот однажды грёзы стали явью. Как-то летом 1858 года во время одной из прогулок композитора представили девушке Ольге. Они сразу понравились друг другу и уже в течение этого же дня буквально не отходили ни на шаг один от другого. Некоторое стеснение, неизбежное при случайном знакомстве, быстро исчезло, и они, непринужденно беседуя, почти до самого вечера гуляли по тихим аллеям парка.

И когда яркие лучи летнего солнца коснулись верхушек деревьев, а из тени кустов выбрались легкие сумерки, Ольга неожиданно прервала разговор. И в ответ на удивленный взгляд Штрауса смущенно произнесла, что сегодня уже поздно, и деловито протянула руку на прощание.

– Тогда завтра? – неуверенно спросил Иоганн. Ольга какое-то время молчала, и когда Штраус задержал на мгновение ее маленькую ручку в своей, она прошептала: «Завтра вы получите от незнакомки красные розы, мэтр Жан!» Но пока Штраус раздумывал над словами Ольги, она уже скрылась за поворотом в аллее.

На второй день композитор, действительно, получил букет красных роз. Нетерпеливым движением он вскрыл приложенный к ним конверт. Ольга соглашалась на встречу в полдень у Храма дружбы. В назначенное время Иоганн с волнением вглядывался в прогуливавшихся недалеко павловских красавиц. Он верил и не верил полученному ответу. И только когда увидел знакомую фигурку, с облегчением вздохнул.

За первой встречей последовали многие другие. Влюбленные уходили от любопытствующих взоров далеко в глубь парка, к «Белым березам», к «Самому красивому месту». Но чаще всего их прогулки совершались в одном направлении: через Новую Сильвию в Красную долину.

С каждым днем чувства Иоганна к Ольге разгорались все ярче и ярче. Он уже не мог жить без нее. И это был безусловный сигнал о том, что он влюбился. И этими своими глубинными чувствами к Ольге ему вдруг захотелось с кем-нибудь поделиться. В ту пору самым близким для него человеком в Петербурге был Август Лейброк, давно обосновавшийся в России австриец, оказывавший немалую помощь Штраусу в его коммерческих делах, в частности в организации концертов.

Услышав об Ольге, Лейброк сразу же попытался объяснить земляку, что он ей не пара. Она – дочь генерала, он же – всего лишь капельмейстер, хотя талантливый и пользующийся исключительным успехом.

Но Штраус в ответ лишь качал головой, не желая верить словам Лейброка. Ведь он считал Ольгу девушкой особенной, не похожей на других ее сверстниц. И эта вера в ее неповторимость полностью лишила Иоганна трезвого взгляда на возникшие обстоятельства.

И Лейброк, поддавшись очарованию чистого чувства, стал наперсником и помощником в их сердечных делах. В дни, когда Ольга не могла встречаться с Иоганном, они посылали друг другу записки. И солидный, уважаемый Лейброк отправлялся за любовными посланиями,

почтовым ящиком для которых служило дупло старого дуба, раскинувшего ветви недалеко от Храма дружбы.

В свиданиях и записках пролетали за днями дни. Лето шло к концу. Закрывались дачи, отдыхающие возвращались в Петербург. Подходил к завершению и концертный сезон. А это значило, что и Штраус вскоре должен будет уехать на родину.

Теперь все свободное время влюбленные проводили вместе, гуляя по давно знакомым, полюбившимся им местам. Понимая, что час разлуки близок, они тем не менее пока не сказали друг другу главного. Наконец Иоганн не выдержал и стал просить Ольгу поговорить с родителями: перед отъездом он хотел сделать официальное предложение. Ольга долго отказывалась, но под напором Иоганна согласилась.

Ольга предполагала, что мать будет против сватовства Штрауса, но гнев родительницы превзошел самые мрачные предчувствия дочери. Отправив дочь под строгий надзор в Петербург, она поспешила к Штраусу. При встрече с композитором она потребовала, чтобы он забыл об Ольге и вернул ее письма.

Оскорбленный в самых сокровенных чувствах, Штраус молчал. Евдокия Акимовна (так величали мать Ольги) просила, требовала, угрожала. Однако ей пришлось уйти ни с чем. Но эта его победа особой радости ему не принесла: он по-прежнему не мог видеться с Ольгой. Единственное, что их связывало в эти дни, так это переписка, которая продолжалась благодаря усердию Лейброка и Полины – сестры Ольги.

Перед отъездом, несмотря на все предосторожности Евдокии Акимовны, Штраусу удалось встретиться с Ольгой у Лейброка. Он увидел ее грустной, но спокойной и по-прежнему любящей. Она первая сказала Иоганну, что их разлука кратковременна, всего на несколько месяцев. Весной, когда он вернется в Петербург, они тайно поженятся, и он увезет ее.

Штраус уехал. Но переписка между влюбленными продолжалась. И вдруг весной писем не стало. Когда взволнованный, полный недобрых предчувствий Иоганн прибыл в Петербург, он застал Ольгу в глубоком трауре: трагически погиб ее единственный и горячо любимый 18-летний брат.

Как не похожа была эта встреча на их прощание полгода назад. Ольга вся ушла в свое горе. Иоганн пытался восстановить ту душевную близость, гармонию чувств и мыслей, которые присутствовали в их отношениях раньше. Но Ольга отдалялась от него.

Однажды, когда они молча прогуливались по Александровскому парку в Царском Селе, Ольга сказала, что их прошлогодние надежды и планы стали нереальными: после смерти брата она не может ни покинуть родителей, ни выйти замуж вопреки их воле... Они еще время от времени встречались, но решение Ольги было непоколебимо...

Украинская любовь Бальзака

Богатая аристократка из далекого украинского села Верховня Эвелина Ганская (в девичестве Ржевусская) появилась в жизни писателя случайно. Молодая, симпатичная женщина, которой едва минуло тридцать лет, однажды прочитала роман Бальзака «Шагреновая кожа». И то ли от скуки, то ли из желания хотя бы как-то разнообразить свой быт, написала автору письмо, в сочинении которого, помимо самой Ганской, участвовали две ее сестры, а также воспитательница единственной дочери Ганской – мадемузель Анриетта Борель (уменьшительно Лиретта). Но письмо она отправила не только без обратного адреса, но даже не назвала своего настоящего имени, а только подписалась таинственным словом «Чужестранка». Правда, снабдила его печаткой «Diis ignotis» (Неведомым богам)...

Письмо легло на стол писателя 28 февраля 1832 года. Оно было одним из тех сотен посланий, которыми Бальзака буквально засыпали поклонницы. Однако, несмотря на загруженность, Оноре почти всегда отвечал на письма (даже если за него это делала его верная, почти лишенная ревности приятельница Зюльма Карро).

Но как ответить на письмо с Украины? Ведь обратного адреса таинственная Незнакомка ему не сообщила. Однако изобретательный Бальзак придумал оригинальный выход. Как раз в это время в печати находилось переработанное издание «Сцен частной жизни», а одна из новых новелл – «Искушение» – еще никому не была посвящена. Бальзак незамедлительно отослал в типографию распоряжение разместить на первой странице латинскую фразу «Diis ignotis» и поставить рядом с ней дату того дня, когда на его письменный стол лег конверт с письмом от Незнакомки. А произошло это 28 февраля 1832 года. Но, как известно, человек предполагает, а бог располагает: его верная де Барни, которая все еще продолжала править корректуры его произведений, увидела в таинственной посланнице конкурентку и убрала латинскую фразу.

Впрочем, следует думать, что мадам Ганская вовсе и не ждала ответа на свое послание: как-никак, а она очень красноречиво это подтвердила тем, что не оставила никаких о себе следов. Понимая это, аристократка из украинской глуши пишет второе, а затем и третье письмо Бальзаку. Пока для нее это только забава, которая, увы, украинской аристократке не просто начинает нравиться, но и увлекает ее, как и любую женщину, своей романтичностью и оригинальностью. Тем более что пятидесятилетний муж уже ничего не может дать для ее страстной плоти и развитого духа.

Но, как это часто случается, любопытство порождает изобретательность. У госпожи Ганской вдруг появляется желание поближе познакомиться с кумиром всех женщин Европы. И она делает очень решительный шаг. Чтобы выяснить, дошли ли ее послания к великому французу, она вместе со своими наперсницами 7 ноября 1832 года предлагает Бальзаку подтвердить получение ее писем объявлением в газете. «Одно слово в “Котидьен” даст мне уверенность, что вы получили мое письмо, и что я могу писать вам без опасений. Подпишите свое объявление: “Ч..... е О. Б.”», – таким образом она выразила свое предложение.

И вот наконец 8 января 1833 года Ганская дождалась ответа: в парижском номере газеты «Котидьен», датированной 9 декабря 1832 года, в рубрике «Объявления» она прочла: «Господин де Б. получил обращенное к нему письмо. Только сейчас он может подтвердить это при посредстве газеты и сожалеет, что не знает, куда направить ответ. Ч..... е О. де Б.».

Итак, начало было положено, а лучше сказать, разыграно. И великий Оноре вроде бы даже очень легко попался, а затем, как показала жизнь, запутался в этой женской ловушке, построенной из скуки, тщеславия и экзальтации. Но при этом следует признать, что, обремененный долгами и жаждой денег, писатель шел к этому союзу с четким планом в голове: он всю жизнь нуждался в деньгах и поэтому постоянно стремился соединить свою страстную натуру с судьбой богатой женщины.

Госпожа Ганская после этого объявления наконец-то решилась по-настоящему вступить в переписку с великим французом. Но хитроумная женщина, понимая, что полученные из Парижа письма в ее адрес могут вызвать непонимание со стороны ее пятидесятилетнего мужа, решает, что всякие подозрения отпадут, если они будут приходить в адрес Анриетты Борель. И таким образом несчастная Лиретта становится соучастницей любовной игры, которую повела за спиной мужа хитроумная Эвелина. Итак, Ганская вышла из тени и назвала свой домашний адрес, точнее, адрес Анриетты Борель.

И вот наконец-то после этого в деталях продуманного шага она получает ответ из Парижа. Более того, не одно, а целых два письма, правда, одно из них было написано рукой верной писателю Зюльмы.

«Вы, которую я ласкаю, как сладостную иллюзию, – пишет он Незнакомке, – вы, которая, как упование, проходит сквозь все мои мечты... Вы не знаете, что означает для поэта, когда в его одиночестве появляется столь сладостный образ, чьи контуры, именно потому, что они столь неясны и неуловимы, наполняют его таким восторгом».

И в данной ситуации умудренный жизнью Бальзак неожиданно повел себя как неопытный в любовных интригах юноша. Не зная имени своей поклонницы и ее внешнего вида, тем не менее в своем третьем письме он уже признается ей в любви. «Я люблю вас, Незнакомка! И это удивительное чувство – только естественное следствие моей всегда унылой и несчастной жизни... Если с кем и могло приключиться что-либо подобное, то именно со мной».

Конечно, трудно поверить, что изложенное на бумаге являлось полной копией того, что творилось в душе писателя. Вероятно, это были всего-навсего стандартные, умело изготовленные фразы, в сочинительстве которых Бальзак как романист имел огромный опыт, или, иначе говоря, отрывок из романа, сюжет которого придумал не он, а предоставила ему сама жизнь.

Если поначалу для госпожи Ганской первые письма, отправленные ею в Париж, были всего лишь способом хоть как-то разукрасить свою скучную провинциальную жизнь, то после ответа великого француза ее мысли поменялись. Теперь ее натура потребовала чего-то большего, чем просто изложенные на бумаге слова восхищения: ей захотелось воочию увидеть знаменитого писателя и услышать те же комплименты, но теперь уже из его уст. Заочное, не одушевленное плотью знакомство вряд ли устраивало и самого Бальзака.

Видимо, сама судьба соизволила вмешаться в столь интригующе начавшийся роман, потому что в начале 1833 года Ганские решают временно покинуть Верховню и отправиться в путешествие по Европе. Лиретту тоже берут с собой, чтобы выступала в качестве воспитательницы дочери Ганских – Анны. Но, помимо этой, как говорится, официальной обязанности, ей вменялась и вторая, невидимая непосвященному оку задача: она и дальше должна была исполнять свои тайные обязанности посредницы в переписке хозяйки и Бальзака.

Первая остановка – Невшатель, куда Ганские прибывают в июле и снимают виллу Андре. Почему именно Невшатель? Во-первых, потому, и это самое главное, что городок расположен совсем рядом с французской границей: если Бальзак все же захочет познакомиться с таинственной Чужестранкой, ему не придется ехать слишком далеко. А во-вторых, здесь живут родители Лиретты: вполне обоснованный аргумент, чтобы развеять подозрения, которые могут вдруг возникнуть у господина Ганского.

Бальзак обо всем уже извещен. Более того, ему рекомендуют остановиться в «Отель дю Фобур», конечно, если он соизволит появиться в Невшателе. И он, для начала введя в заблуждение друзей относительно мотивов своего путешествия, а потом проведя четверо суток в пути, наконец 25 сентября попадает, как и было условлено, в «Отель дю Фобур». Там он находит желанное письмо, в котором ему предлагают на следующий день, 26 сентября, между часом и четырьмя пополудни прибыть на бульвар, чтобы увидеться со своим «любимым ангелом».

А ведь он не знает ни лица, ни даже имени женщины, ради которой прибыл в этот провинциальный городишко.

Но, конечно же, они встретились. Правда, «все пять дней проклятый муж не отставал от нас ни на секунду. Он переходил от юбки жены к моему жилету», – писал впоследствии Бальзак своей сестре. Не обошлось и без вмешательства Анриетты: богобоязненная девица нарочно разъединяла влюбленных. И все-таки, несмотря на столь значимые препятствия, Ганская приняла страстные признания Бальзака в любви и даже позволила ему в тени раскидистого дуба поцеловать себя.

Пять дней пролетели быстро и незаметно, и Бальзак снова возвратился в Париж, чтобы отдаться работе. Правда, на этот раз разлука оказалась недолгой. Всего через три месяца, 23 декабря, он появился в Женеве в отеле «Дель Арк», где нашел привет от Ганской: драгоценный перстень, в который была запаяна прядь изумительно черных волос.

Здесь Оноре провел уже целых сорок четыре дня. В каждый из них он, как обычно, с полуночи до полудня проводил за работой, а по вечерам пытался сломить сопротивление женщины, которая не хотела ему отдаться. Наконец удача смилостивилась над Бальзаком: после месяца упорного сопротивления Ганская все же нарушает супружескую верность.

А потом они опять не видятся целых восемь лет. Только письма, которыми они регулярно обмениваются, не позволяют окончательно потухнуть их отношениям. Хотя, безусловно, со временем они тускнеют. К тому же у Бальзака в эти годы появляются новые увлечения, о которых украинские и русские доброжелатели постоянно информируют Ганскую...

Но вот утром 5 января 1842 года ему подают письмо с черной печатью. В этом послании доводится до его сведения, что 10 ноября 1841 года господин Ганский скончался. Этот листок бумаги опять становится для писателя новой надеждой.

Он снова начал забрасывать Эвелину письмами, в которых просил разрешения приехать к ней в Верховню. Однако в письме от 21 февраля получил четкое «нет». Зато чуть позже она дала согласие встретиться в Петербурге. И 29 июля 1843 года, после тяжелого морского путешествия, писатель ступил на землю столицы Российской империи.

Как проходила эта встреча, сказать трудно: ведь они не виделись почти восемь лет. Но то, что размолвки между ними не произошло, а, наоборот, их связь окрепла, видно из последующих событий. Хоть и через целых полтора года, но госпожа Ганская снова пожелала увидеться с писателем и весной 1845 года пригласила его в Дрезден. Моментально в ящик стола были брошены рукописи, и в мае он уже рядом с Эвелиной.

Но пребывание в Германии не ограничилось одним Дрезденом. Они посетили также Каннштадт, Карлсруэ, Страсбург. Бальзак и Ганская инкогнито даже побывали в Париже. В конце лета они наведались в Фонтенбло, Орлеан и Бурж. Бальзак даже показал свою родину – Тур. Оттуда они через Роттердам, Гаагу, Антверпен добрались до Брюсселя, откуда Бальзак вернулся в Париж. Но расставание было недолгим. Уже в сентябре он снова появился в Баден-Бадене и провел с семейством Ганской еще две недели. В этот раз они посетили Лион, Авиньон, Марсель, а также побывали в Неаполе.

Теперь Бальзак мог видеться с Ганской настолько часто, насколько ему позволяло время и денежные средства: он словно спешил наверстать упущенное. Однако, несмотря на частую близость, согласия на брак он все еще не получил: госпожа Ганская постоянно находила разного рода отговорки. Она продолжала раздумывать даже после того, как забеременела. Ребенок у нее родился мертвым.

Переломным становится 1847 год. Наконец, в сентябре Эвелина пригласила Бальзака посетить ее имение Верховню, расположенное недалеко от Бердичева. Здесь он провел почти пять месяцев и не переставал восхищаться ослепительной роскошью и богатством, которые окружали его в особняке Ганской. Однако в середине февраля 1848 года обстоятельства вынудили Бальзака опять вернуться в Париж.

Но в октябре он снова прибыл в Верховню. Однако в этот раз путешествие принесло Бальзаку одни только огорчения. Во-первых, он заболел: у него бронхит. Да и сердце в пре-скверном состоянии. Во-вторых, между ним и Ганской все чаще стали возникать размолвки, в основном по поводу расточительности писателя. Все эти удары судьбы еще больше ухудшили его физическое состояние.

Неизвестно, как относился к своему положению сам Бальзак, чувствовал ли он, что дни его сочтены, но врачи точно знали, что он обречен. Не исключено, что свое мнение они высказали и госпоже Ганской. И тогда расчетливая женщина поняла, что ее замужество будет недолгим и в течение этого времени Бальзак вряд ли сможет слишком много промотать. Поэтому, скорее всего, она и решилась исполнить последнее, самое заветное желание человека, который столько лет добивался ее руки. Тем более что этот акт позволял ей связать свою жизнь с величайшим из писателей и тем самым обеспечивал ей почти такое же бессмертие.

И вот 14 марта 1850 года в костеле Святой Варвары в украинском городе Бердичеве состоялось венчание. Приглашенных не было. В качестве свидетелей присутствовали только родственники ксендза, проводившего церемонию, и граф Мнишек – зять Ганской.

Но счастье длилось недолго. Уже 18 августа, даже меньше чем через полгода, в 11 часов 30 минут вечера Бальзака не стало. В последние же минуты жизни писателя при нем находилась только его мать. А жена в это время спала в соседней комнате.

Верди и Джузеппина

Личная жизнь великого итальянского композитора Джузеппе Верди полна ужасных трагедий. И преследовать они начали его спустя недолгое время после того, как в мае 1836 года 23-летний Верди женился на Маргарите Барецци – дочери своего попечителя. А в марте 1837 года у них родилась дочь Вирджиния. В июле же 1838 года он опять стал отцом: на свет появился сын Ичилио. А спустя всего несколько дней судьба наносит Верди первый болезненный удар: в молодой семье внезапно умирает дочь Вирджиния.

Через год очередная беда: в начале октября заболел маленький Ичилио. Однако врачи не смогли разобраться, что за недуг свалился на малыша, и через три недели, 22 октября 1839 года, мальчик умер.

Все это походило на проклятие судьбы. Маргарита находилась в полном отчаянии. Она была буквально раздавлена свалившимся на нее горем. Тенью бродила по комнатам, ничего не ела, только и делала, что плакала. Верди тоже замкнулся в себе.

Однако злой рок продолжал витать над Верди. Маргарита после смерти сына так и не пришла в себя. Она выглядела совсем больной. В начале июня она уже не вставала с постели: у нее поднялась температура, она стала бредить. Врач поставил неутешительный диагноз: энцефалит. И 18 июня 1840 года, вскоре после полудня, Маргарита ушла из жизни.

Верди очень тяжело перенес эту трагедию. Смерть жены отозвалась в душе композитора пустотой и безразличием. Его дни ничем не заполнены – ни делами, ни мыслями. Это мрачные, глухие дни. Однако, находясь даже в таком состоянии, композитор тем не менее вынужден выполнять обязательства. И он в состоянии полной отрешенности, без малейшего желания начинает работать и кое-как заканчивает оперу «Король на час». Естественно, в таком состоянии создать шедевр трудно. Опера, поставленная 5 сентября 1840 года в театре «Ла Скала», терпит фиаско. Оскорбительные выкрики, свист, презрительный хохот – так публика оценила очередное творение Верди...

Казалось бы, такая череда бед может сломать любого человека. И Верди тоже едва выстоял. Он погрузился в состояние полной апатии, какого-то странного недомогания, бесконечной печали и горя. Он с трудом переживает однообразные, похожие друг на друга дни. Кое-как коротает вечера. Питается как придется. Нередко ест только раз в день, ровно в шесть часов вечера. Войдет в харчевню, сядет в углу за столик и сидит, уставившись в белую скатерть, порой за вечер ни с кем не обмолвившись ни словом. Затем торопливо расправляется с едой, накидывает плащ и уходит домой.

Начинаются холода, выпадает первый снег. В комнате зябко, дров для печки он покупает мало. Когда стужа становится невыносимой, он кутается в свой длинный черный плащ, выходит на улицу и долго бродит в полном одиночестве по городу.

Однажды, когда Верди в очередной раз брел по знакомым улицам, он случайно встретился с импресарио Бартоломео Мерелли, который буквально всучил ему либретто оперы «Набукко». «Я вернулся домой, – расскажет спустя много лет Верди, – и со злостью швырнул рукопись на стол. Падая, тетрадь раскрылась. Я невольно взглянул на лежавшую передо мной страницу и прочитал: “Лети же, мысль, на крыльях золотых...”. Я прочел стихи дальше, и они глубоко взволновали меня. Это был к тому же почти парафраз из Библии, которую я всегда любил читать. Я пробежал одну строфу, другую. Но, все еще твердый в своем намерении вообще не писать больше музыки, сделал над собой усилие, закрыл тетрадь и лег спать. Только где там... “Набукко” сверлил мне мозг, сон не приходил. Я поднялся, прочел либретто не один, не два, не три раза, а много раз, так что к утру, можно сказать, уже знал сочинение наизусть. (...) День – строфа, день – другая, так постепенно опера и была написана»...

Либретто «Набукко» стало для Верди тем спасительным мостиком, который помог ему перебраться с берега страдания, тревоги, апатии, на котором он пребывал последние месяцы, на берег надежды, вдохновения, творческого труда. Опера появилась на сцене «Ла Скала» 9 марта 1842 года и имела грандиозный успех: последние аккорды финала заглушили громовые аплодисменты и рукоплескания.

Итак, Рубикон покорен. Снова, охваченный неудержимой страстью творчества, Верди начинает создавать свои бессмертные шедевры. И одновременно влюбляется.

Его пассией становится Джузеппина Стреппони. Ей – двадцать девять лет. У нее изящные плечи, запоминающаяся внешность, нежный овал лица, завораживающий взгляд больших, подернутых легкой грустью глаз. Четко обозначенные, точно нарисованные, разделенные пробором густые волосы, крупный нос, правда, ничуть не портящий ее лица. Безусловно, умная и нежная женщина, с умеренным чувством юмора, достаточно образованная. У Стреппони двое детей: их не признал отец, известный тенор.

Она тоже влюбилась в Верди. Безудержная страсть и гениальность этого человека покорили ее. А ведь характер композитора весьма далек от идеала. Он – гордый, упрямый, высокомерный, иногда даже способный на недостойные поступки, властный, заносчивый эгоист. И тем не менее в письмах к миланским знакомым она постоянно интересовалась делами Верди, его здоровьем, планами на будущее, а также тем, как принимает его оперы публика.

В то же время сам Верди пока не предпринимал решительных действий, хотя Джузеппина и привлекала его больше других женщин. Так, если певица гастролировала в Бергамо, Верди всегда находил возможность побывать в этом городе. Если же она отправлялась в Милан, он напоминал о себе записочкой или букетом цветов.

В конце концов чувства взяли верх над разумом. Находясь в Париже в ноябре 1847 года, Верди убедил себя, что спутницей его жизни станет Джузеппина Стреппони. Правда, о браке он пока разговора не заводил. Но Джузеппина все равно счастлива. Так же как и Верди. Они полюбили друг друга.

Но эту любовь нередко омрачали внешние обстоятельства, во многом связанные с неуживчивым характером Верди. Особенно это проявлялось в Буссето, округе, где он родился и провел свои детские годы. Композитор и его возлюбленная редко выходили в общество и никого не принимали. Когда же выезжали в коляске осматривать свои владения, сухо приветствовали, если в этом возникала потребность, тех, кто встречался на пути. Но эту пару тоже не особо жаловали. Особенно Джузеппину: ее сторонились, не здоровались, когда она одна проходила по площади этого небольшого городка.

Безусловно, невесело жилось Джузеппине с таким человеком, хотя и с гениальным. Он либо замыкался в упрямом молчании, либо ворчал на всех и вся – на слуг, на крестьян, которые, по его мнению, плохо работали и воровали, на батраков, не выполняющих свой долг. Жаловался он на дорогую жизнь, на городской рынок, который его раздражал своими ценами и торговцами, на ливень, затопивший поля, на оросительные каналы, которые постоянно засорялись.

Верди постоянно боялся обмана и предательства, поэтому ко всем относился с недоверием. Часто он был груб, резок, порой даже жесток. Когда Верди проходил по комнатам, все сразу же умолкали и прятались по углам, чтобы лишний раз не попадать ему на глаза. Стреппони тоже старалась быть незаметной, чтобы своим присутствием не раздражать своего возлюбленного.

На своей вилле он не принимал никого. Иногда позволял явиться доктору, и то лишь в том случае, если чувствовал приступ какой-нибудь из воображаемых болезней, которые постоянно преследовали его. Если же из знакомых кто-то писал композитору, что хотел бы навестить его, Верди язвительно отвечал: здесь нет ничего интересного – только четыре стены, крыша,

самый обычный сад, деревья да яма, заполненная водой, которая называется озерком. И не стоит тратить время и силы на путешествие.

Джузеппина в этой обстановке ощущала себя пленницей. Она долгими осенними и зимними месяцами смотрела, тяжело вздыхая, в окно и видела лишь покрытые снегом поля, голые деревья и свинцовое небо. Верди, наоборот, чувствовал себя в этой пустыне хорошо. Общаться с людьми и миром ему не хотелось.

Постепенно композитором стала овладевать почти болезненная страсть к сельскому хозяйству. Он чуть ли не каждый день стал проводить то в поле, где наблюдал за урожаем, то ухаживал за фазанами или за птенцами павлинов, которыми очень гордился. И во всех этих экскурсиях его сопровождали любимые собаки Лулу и Блэк. По этому поводу Стреппони замечает: «Любовь Верди к сельской жизни стала манией, безумством, сумасшествием». Когда же он хотя бы на недолгое время покидал свое имение, то слал работникам такие подробные распоряжения, словно он был не композитор, а рачительный фермер.

Казалось бы, привыкшая к образованному обществу и шумной артистической жизни, Джузеппина должна была в первые же месяцы сбежать от такого деспота. Но вместо этого Джузеппина Стреппони и Джузеппе Верди тайно уезжают в Коллонж-су-Салев, где 29 августа 1859 года сочетаются браком. А засвидетельствовали это событие звонарь и кучер. Мероприятие прошло почти незаметно: без друзей, без торжественного застолья, без свадебного путешествия. Но и после бракосочетания никаких изменений в характере Верди не произошло. Наоборот, он стал еще несноснее и даже начал бравировать своими недостатками...

И только в конце 1867 года наконец его характер стал немного спокойнее. Вместе с женой, дирижером Мариани и его возлюбленной – певицей Терезой Штольц он две недели провел в Париже. Именно в это время он и увлекся певицей. Сначала Верди пытался противостоять этой любви, но потом отдался ей целиком.

Певица тоже увлеклась Верди. А вскоре рассталась с обуреваемым ревностью Мариани. Страдания одолевают и Стреппони. Она вспоминает то чудесное время, когда Верди принадлежал одной лишь ей, и слезы грусти наворачиваются на ее глаза. И пусть он был нетерпимым, грубым, однако он был ее. Погрузившись в свое горе, Джузеппина почти совсем отрезилась от жизни. При этом она даже пыталась скрыть свое душевное состояние от Верди, поэтому старалась держаться так, словно в отношениях между ней и мужем ничего серьезного не произошло.

В это же время в обществе стали распространяться слухи, которые к тому же обрастали разного рода домыслами, о запутанных взаимоотношениях Верди, его жены, а также Штольц и Мариани.

Джузеппина все еще надеялась, что ее муж одумается. Но ее надежды не оправдались. К тому же в доме часто стала появляться Штольц, которая являлась на репетиции «Аиды». Джузеппина видела, что ее почти не замечают, а проявляют редкую любезность только из-за светских приличий. С каждым днем она становилась мрачнее, старалась не показываться на глаза мужу, редко выходила из дома, до минимума свела свои контакты с окружающими.

В семейных отношениях появились трещины. Джузеппина едва выдерживала такую жизнь. И ее терпение постепенно иссякло. Наконец выдержка ей изменила совсем, и она пишет Верди очень резкие строки, решительно обвиняя его в предательстве. А он? Сказать трудно. Но, скорее всего, его ответ был, как и раньше, «убийственным и грубым»...

Описывать все перипетии этой истории нет смысла. Одно можно сказать, что она длилась долго, и на всем ее протяжении Штольц чувствовала себя настоящей хозяйкой в семейном доме Верди. И все же, несмотря на все неурядицы, Джузеппе и Джузеппина не расстались...

14 ноября 1897 года в 4 часа дня 82-летняя Джузеппина вздохнула в последний раз, и ее голова беспомощно упала на подушку. Верди оцепенел от горя, а затем заплакал, словно ребенок: громко, не сдерживая слез. Видимо, в тот момент он осознал, кем была для него Джузеппина и кого он навсегда потерял в этот миг.

Гектор Берлиоз: слезы любви и горя

В жизнь французского композитора Гектора Берлиоза выдающаяся драматическая актриса Гэрриет Смитсон вошла в сентябре 1827 года, когда в «Одеоне» группа английских актеров ставила трагедию великого Шекспира «Гамлет». В ней Смитсон играла роль Офелии. Гектор присутствовал на этом спектакле и был потрясен не только игрой актрисы, но и ее красотой.

Затем были новые представления, в которых Смитсон также блистала. И каждый раз, увидев ее на сцене, Гектор погружался в транс, сопровождаемый забытьем и безотчетными блужданиями. Он мог отключиться в любом месте: на снопах в поле, на лугу, на берегу Сены. А однажды забытье застало его за столиком в кафе «Кардинал». В таком состоянии он находился пять часов, к великому ужасу официантов, которые посчитали его мёртвым.

Вскоре Гектор уже не мог довольствоваться лишь лицезрением актрисы на сцене. Чтобы увидеть ее поближе, он стал часами бродить у театрального подъезда. Она же проходила мимо, даже не удостоив его мимолетного взгляда.

А спустя недолгое время актриса и вовсе покинула Париж и отправилась сначала в Амстердам, а затем на свою родину, в Лондон. Но Гектор продолжал преследовать ее, регулярно отправляя на адрес Гэрриет письма.

Казалось, ничто не могло заглушить неистовую страсть молодого композитора к известной актрисе. И вдруг, словно по мановению волшебной палочки, в чувствах Гектора произошла резкая перемена: он неожиданно влюбился в юную и очаровательную Камиллу Мок. Более того, он решил жениться на ней. Благо и возлюбленная была согласна стать его женой. Правда, ее матушка считала, что Камилла достойна более привлекательной партии. Но после ошеломляющего успеха «Фантастической» симфонии Берлиоза и лавины почестей, которые свалились на него, мадам Мок смягчилась и вскоре стала называть Берлиоза «мой дорогой зять».

Казалось, все складывалось как нельзя лучше. Правда, единственное, что омрачало счастье Берлиоза – скорая поездка в Рим, где ему предстояло пробыть в разлуке с милой Камиллой почти целый год. Гектор даже пытался хлопотать, чтобы его оставили в Париже, сохранив стипендию. Но получил отказ.

Итак, Италия. Но красоты Флоренции и Рима его волнуют мало: все его мысли заняты Камиллой. Он каждый день ждет от нее весточки. Но писем все нет и нет. И вот наконец 14 апреля 1831 года он дождался желанного послания. Однако, к удивлению Гектора, адрес на конверте был написан не рукой Камиллы, а ее матери. Берлиоз с нетерпением распечатывает конверт. Читает...

«Ее достойная маменька обвиняла меня в том, что я внес смятение в семью, и сообщала о свадьбе своей дочери с господином П., – писал впоследствии в своих «Мемуарах» Берлиоз. – Слезы ярости брызнули у меня из глаз, и в тот же миг было решено: лечу в Париж и там без всякой пощады убиваю двух виновных и одного невинного. Разумеется, что, совершив сие благое дело, мне предстояло убить и себя». Вот так, не больше и не меньше!

Для осуществления своего замысла он приобрел два двухзарядных пистолета и пузырек с ядом. А чтобы гарантировать полный успех своему тайному замыслу, он даже решил явиться в стан своих врагов в наряде горничной.

И вот, вооружившись до зубов, Гектор отправился в Париж. Однако, когда цель была совсем рядом, решимость покинула его. А в Генуе он и вовсе отказался от своей затеи, посчитав, что умирать, не достигнув головокружительной славы, глупо...

А 9 декабря 1832 года Гектор вновь увидел свою Офелию. И с первого мгновения опять неистово запыхал. А Гэрриет? Она, скорее всего, первое время терпела его, потом смирилась

и, наконец, свыклась с его присутствием. В этот период их отношения были далеко не безоблачными: ссоры сменялись примирениями, пламя страсти холодом отчуждения...

Но Гектор уже во власти Гэрриет, а она – во власти Гектора. Опьяненный счастьем взаимной любви, композитор отправил отцу письмо, в котором сообщает, что собирается связать свою судьбу с ирландкой Гэрриет Смитсон. Однако родители не дали согласия на брак. Да и Гэрриет пока ничего конкретного по этому поводу не сказала. К тому же между влюбленными продолжали вспыхивать шумные скандалы. А в конце августа, в разгар очередной громкой ссоры, Гектор даже намеревался в комнате Гэрриет свести счеты с жизнью.

«Она упрекала меня в том, – писал он, – что я ее не люблю. В ответ, впад в отчаяние, я принял яд у нее на глазах. Душераздирающие крики Гэрриетты!.. Предел отчаяния!.. Мой жуткий смех!.. Желание вернуться к жизни при виде необыкновенных свидетельств ее любви!.. Рвотное... Ипекакуана!.. Меня выворачивало два часа!.. Два дня я был болен и выжил».

Видя, как Берлиоз теряет рассудок от нахлынувшей страсти, его друг Жюль Жанен предпринимает следующий шаг: как-то раз он познакомил Гектора с невероятно красивой девушкой, которая, правда, чем-то походила на затравленного зверька. Ее история была печальна. Девушку купил один богатый старик, который поместил ее в подвал, чтобы заставить стать его возлюбленной.

История ее жизни настолько растрогала Гектора, что он чуть не разрыдался от сострадания. И тогда Жанен посоветовал другу отправиться с молодой красоткой в Германию, где композитор планировал совершенствовать свое образование.

Точно неизвестно, провела ли Гэрриет об угрозе отъезда своего возлюбленного с новой пассией или ее к этому толкнули другие причины, во всяком случае, она наконец сказала «да». Услышав об этом, Гектор чуть ли не впал в забытие. А та девушка с горестной судьбой, в которую он влюбился, неожиданно исчезла.

И вот 30 октября 1833 года состоялось бракосочетание Гектора Берлиоза и Гэрриет Смитсон: они стали мужем и женой, обретя, наконец, счастье в объятиях друг друга. Еще большую радость испытали влюбленные, когда 14 августа 1834 года родился маленький Луи.

Казалось бы, чего еще желать. Но семейную жизнь омрачали козни завистников, которые были настолько успешными, что практически закрыли перед Берлиозом сцены всех парижских театров. А такая ситуация, безусловно, самым худшим образом отражалась на материальном положении маэстро. В поисках средств существования приходилось не только колесить по Европе, где его успех был невероятен, но даже отправляться в провинцию, чтобы получить дополнительную сотню-другую франков.

Кроме коварства недоброжелателей, Гектор испытал и другие, не менее жестокие удары судьбы. 14 февраля 1837 года скончалась его мать; затем, в начале 1839-го, тихо угас его восемнадцатилетний брат Проспер...

Не меньше огорчали Гектора и те незначительные ссоры, которые каждодневно происходили в его семейной жизни. Лишенная опьяняющего успеха на сцене, прикованная к дому из-за ребёнка, Гэрриет становилась неуживчивой и ревливой. Она постоянно обследовала одежду и густую шевелюру мужа, готовая броситься на него при малейшем подозрении в неверности. Гэрриет пыталась найти следы измен мужа в его фельетонах, в перехваченных письмах, в записках...

Мисс Смитсон, выходя замуж за Берлиоза, была и так не первой молодости. А теперь она вдруг заметила, что начинает вянуть буквально день ото дня. Но чем больше она старела лицом, тем больше молодела сердцем. А вместе с этой душевной молодостью росла и ее любовь к Гектору, заставляя страдать и ее, и его.

Гектор же, в то время как его супруга сторала от ревности, флиртовал с многочисленными красотками, расточая им комплименты. Наконец, в начале 1842 года его страстное сердце замирает от восторга при виде молодой смазливой певички Марии Ресио.

Уже в сентябре того же года вместе с Марией он отправляется в Брюссель, где надеется поправить свое материальное положение. Но, увы, надежды не оправдались, и он вынужден возвратиться к семейному очагу. Гэрриет взбешена. Но остановить Гектора она не может.

В январе 1843 года, когда дома отсутствовали жена и маленький сын, Гектор покинул семью и вместе с Марией Ресио уехал в Германию, где надеялся услышать беспристрастное мнение о своей музыке...

Берлиоз вертелся, словно белка в колесе. Он переезжает из одной европейской столицы в другую, и всюду его выступления сопровождаются шквалом оваций, восхищенные отзывы прессы и немалые денежные доходы. Особенно успешной оказалась поездка в Россию. Но средств все равно не хватало. Как-никак, а ему приходилось содержать две семьи: Гэрриет с сыном и Марию с матушкой.

Конечно, все было бы по-другому, если бы его приняли на родине. Но, увы, несмотря на победоносные сообщения, поступавшие из Вены, Берлина и Петербурга и публиковавшиеся в парижских газетах взволнованные отклики, столица Франции не соизволила заметить возвращение Гектора.

Помимо проблем с театральной общественностью, на Гектора свалилось также немало бед и семейного характера. В 1848 году умер его добрый отец доктор Берлиоз. С катастрофической быстротой ухудшалось и здоровье Гэрриет: она уже почти не поднималась с кровати. И чем ближе подходила Офелия к смерти, тем больше винил себя Гектор. Его угнетало жестокое раскаяние, мрачные угрызения совести за свое отношение к ныне парализованной, обиженной судьбой женщине, которую он когда-то страстно любил, а потом заставил горько страдать. Наконец, 2 марта 1854 года сердце Гэрриет перестало биться. Узнав о роковом конце жены, Гектор долго рыдал, вспоминая прошлое...

А 19 октября 1854 года Гектор и Мария Ресно стали мужем и женой. Свадьба была скромная и невеселая, и прежде всего оттого, что над ней витала смерть Офелии. Мария, умиротворенная замужеством и избавленная от ревности, стала спокойнее, покладистой, преданной. Успокоился демон страсти и в душе Берлиоза: наступила умеренная привязанность...

Но в 1860 году смерть снова напомнила о себе: 2 марта умерла любимая и верная сестра композитора – Адель. Она была на десять лет моложе Гектора, и поэтому его горе было вдвойне тяжелее и слезы обильнее. Но не успела затянуться эта рана, как через год на Берлиоза обрушилось новое горе. 13 июня, в пятницу смерть совершила новое злодеяние: на этот раз ее жертвой стала сорокавосемилетняя Мария...

Жизнь маэстро неумолимо катилась к закату: он приближался к своему шестидесятилетию. Однако, несмотря на возраст, потребность любить и быть любимым у него все еще не иссякла. Утешительницей одинокого измученного сердца Гектора в этот период стала некая Амелия. О том, когда и как появилась эта странная связь, история умалчивает, хотя и поясняет, что Амелия была молода и очень хороша собой. И, видимо, щадя ее нежную молодость, от своей новой избранницы он ничего, кроме искренней теплоты и нежного сострадания, не требовал. А еще через некоторое время он и вовсе расстался с ней.

После смерти Марии и расставания с Амелией Гектор все чаще и чаще стал посещать кладбище. Там, среди надгробий и старых деревьев, он бродил и грезил наяву. А однажды, во время очередной ночной прогулки по погосту, Берлиоза вдруг охватил неопишуемый ужас, а к горлу подступил комок. На свежей мраморной плите он увидел скромную эпитафию: «Здесь покоится Амелия... безжалостно унесенная жестокой судьбой на 26-м году жизни». Имя, фамилия, возраст. Конечно же, это она... Боль и страдание заполнили сердце Гектора, и он, словно подкошенный, свалился на соседнюю могилу...

В последнее время, после потерь стольких родных и близких людей, весь мир для Берлиоза сосредоточился на сыне. Он днем и ночью думал о своем мальчике, призывая в письмах хотя бы на короткое время посетить отчий дом...

Как-то после очередной, живительной для Берлиоза встречи с сыном он вдруг очень явственно почувствовал, что ему необходима гавань для душевного отдыха, в которой можно было бы хоть на время спрятаться от треволнений внешнего мира. И в поисках этого убежища для своей измученной души он все глубже погружался в историю своей жизни. И вот однажды его сердце взволнованно забило: в нем опять вспыхнула страсть к Эстелле...

Гектору едва минуло 12 лет, когда он впервые влюбился. И предметом его страсти стала семнадцатилетняя Эстелла Дюбеф, гостившая в ту пору у родственников. «Увидев ее, я словно почувствовал электрический удар. Я полюбил ее – этим все сказано... Целые ночи напролет я пребывал в отчаянии... Ревность терзала меня при всяком незначительном слове, с которым мужчины обращались к моему кумиру... Мне было тринадцать лет, когда я потерял ее из виду... Мне было тридцать, когда, возвращаясь из Италии через Альпы, я различил вдали утес Сент-Эйнар, и белый домик, и старинную башню... Мои глаза заволокло слезами... Я все еще ее любил... По приезде я узнал, что она вышла замуж. Но это вовсе не исцелило меня».

И вот в начале сентября 1864 года Гектор появился в Леоне, где в это время проживала Эстелла. А уже на следующий день утром он передал ей письмо, в котором умолял о встрече.

Наконец они наедине, друг подле друга. Сначала миг удивления, а затем рассказы о себе. А в самом конце этого странного свидания Гектор неожиданно произнёс: «Умоляю, дайте мне вашу руку, сударыня». Она протянула. Опустив глаза, он поднес эту морщинистую руку к своим губам. И почувствовал, как замирает его сердце. Он близился к смерти, но любовь продолжала неистовствовать в нем.

Однако Эстелла охладила пыл пожилого романтика. И при последующих встречах она вела себя в соответствии со своим возрастом и положением вдовы. Гектор же, несмотря на годы, был неизменно пылким, и от каждой новой встречи испытывал романтический прилив чувств. «Такого рода страданья мне необходимы. У меня нет иного интереса в жизни», – писал он ей в Женеву. В данном случае Гектор не лукавил. Он и впрямь всем своим сердцем любил Эстеллу. Однако она этой вспышки чувств так и не поняла...

29 июня 1867 года. В этот день несколько близких товарищей Берлиоза решили организовать его чествование. Однако в назначенное время, в 9 часов вечера, Гектор не появился. Собравшиеся встревожились и отправили пианиста Риттера выяснить причину отсутствия композитора.

Тягостная картина предстала перед Риттером: на полу, обливаясь слезами, корчился Берлиоз. Его губы дрожали, слова прерывались тягостными стонами. «Это я, я должен был умереть, а не он, такой молодой», – словно заклятие, тихо бормотал он. Какой ужас! Берлиоз говорил о своем сыне Луи, который 5 июня умер на Кубе, сраженный желтой лихорадкой. Ему было всего тридцать три года!

И все те два года, которые Берлиозу предстояло еще прожить на этом свете, его терзали одни и те же вопросы: «Как он умер? Какие последние слова он произнес холодеющими губами? Где это случилось – в Гаване или в открытом море?»

И кто знает: возможно, 8 марта 1869 года, когда смерть уже витала над Гектором, его последние мысли были тоже заняты его любимым Луи, с которым он надеялся вскоре встретиться в загробном мире....

Тайная любовь Сезанна

Можно сказать, что великий французский живописец Поль Сезанн умирал, не выпуская кисти из рук. И вряд ли это будет большим преувеличением...

1906 год. 13 и 14 октября над небольшим французским городком Эксом гроыхала гроза вперемешку с проливным дождем. Наконец 15-го числа погода прояснилась. После обеда Сезанн покинул свою мастерскую в Лове, чтобы на природе поработать над этюдами.

Однако небо снова затянулось, и опять загроыхала гроза. Но, несмотря на проливной дождь, Сезанн продолжал работать. Проходили часы. А художник по-прежнему стоял у мольберта. Наконец, промокнув до нитки и дрожа от холода, он собрался домой.

Двигаясь по раскисшей от дождя дороге, Сезанн едва передвигал ноги. И вдруг в какой-то миг он свалился без чувств. Вскоре его неподвижное тело обнаружил работник местной прачечной и доставил домой почти в бессознательном состоянии. Срочно был вызван врач, и одновременно о состоянии Сезанна сообщили его сестре Марии.

Сознание возвратилось к художнику, когда он уже находился в постели. С большой неохотой, под давлением доктора принял предписанные лекарства. Врач назначил постельный режим. Однако назавтра, несмотря на указания доктора, Сезанн поднялся с кровати и отправился в мастерскую писать неоконченный портрет. Но художник опять почувствовал слабость и вынужден был вернуться домой. Правда, в этот раз болезнь его свалила надолго. Но даже в эти дни его тянуло к мольберту.

Но, увы, эта тяга к рабочему инструменту была всего лишь временной вспышкой энергии. Болезнь, уже полностью овладевшая телом художника, стала развиваться с невероятной быстротой. 20 октября 1906 года Мария сообщила сыну художника Полю, что ему следует явиться в родительский дом «так быстро, как только возможно».

А состояние Сезанна все ухудшалось. Он то проваливался в забытие, то приходил в сознание. В минуты просветления художник непрерывно твердил имя сына и смотрел на дверь, видимо, ожидая, что она вот-вот откроется и войдет его Поль. Но сын так и не появился. Глаза уже неподвижного Сезанна продолжали смотреть на дверь. Спустя сутки, 22 октября 1906 года в возрасте 67 лет Поль Сезанн скончался...

Кстати, история, связанная с отцовством Сезанна, довольно необычна. Началась она в 1870 году. Сезанн, замкнутый и всегда с опаской относившийся к противоположному полу, но в то же время при виде обнаженного женского тела волновавшийся до головокружения, однажды все же поддался чарам одной из своих натурщиц. Высокую, стройную блондинку с карими загадочными глазами звали Мария-Гортензия Фике. Ей недавно исполнилось девятнадцать лет. Сезанну стукнул тридцать один.

Девушка работала в типографии. Но, чтобы немного увеличить свой скромный доход, позировала художникам. Она отличалась одним важным для натурщиц качеством: Фике беспрекословно выполняла все требования художников. Возможно, именно этой своей покорностью она и растопила сердце Сезанна?

Плодом этой страстной любви стал мальчик, родившийся 4 января 1872 года. Назвали его Полем. Но с появлением сына значительно усложнилась и жизнь художника: на свое холостяцкое содержание, положенное ему отцом, Сезанн теперь должен был содержать еще и семью. Более того, обстоятельства вынуждали художника эту сторону своей личной жизни от отца скрывать: Сезанн опасался, что тот, узнав об этой связи, совсем лишит его материальной поддержки...

Восемь лет художник скрывал от родителя свою тайну. Чего только он для этого не придумывал. Но, как говорится, нет ничего тайного, что однажды не стало бы явным. Вскрыв очередное письмо к сыну, отправленное его возлюбленной, отец наконец-то узнал о незакон-

ной его связи. Оскорбленный и торжествующий, Сезанн-старший пригрозил сыну урезать его содержание до ста франков в месяц. И в начале апреля он свое обещание сдержал. К счастью, о своем решении старик вскоре забыл.

Но весной 1885 года случилось событие, которое полностью вывело отношения Сезанна и Гортензии из тени. Художник в это время неожиданно для себя влюбился в пышногрудую и разбитную служанку Фанни.

Однако вскоре о его любовном приключении узнали родные. Не правда ли, странно быстрое разоблачение. А ведь связь с Гортензией он скрывал несколько лет. Возможно, Фанни настолько покорила и увлекла художника, что он потерял всякий контроль над своим поведением: влюбленные – слепы. Но как бы там ни было, все немедленно ополчились против Сезанна.

И в первую очередь незаурядную активность проявила Гортензия. К тому же неожиданно ее сторону приняла Мария. Сестра больше не могла терпеть сумасбродств брата: незаконная связь, внебрачный ребенок, живопись, а тут еще эта невеста откуда свалившаяся любовь. Нет, с нее хватит! Чтобы не допустить очередного скандала, Поль должен жениться на матери своего мальчика. Причем не откладывая это событие в долгий ящик.

Но Сезанн неожиданно проявил завидное упорство. Он решил во что бы то ни стало остаться с Фанни, осветившей его дни страстной любовью, вернувшей ему частицу юности и веру в жизнь. Однако Мария решила идти до конца. И, воплощая свой замысел, она первым делом выгнала Фанни. Затем принялась за брата: она буквально преследовала его и при каждом удобном случае укоряла.

Жизнь Сезанна превратилась в кошмар. Отказываясь разорвать отношения с Фанни, он, словно загнанный, метался между ней и Гортензией, пока не потерял самоконтроль и не уехал в Париж к Ренуарам. Но Гортензия мертвой хваткой вцепилась в художника. И вскоре она тоже появилась в доме Ренуаров. Не выдержав столь мощных атак, Сезанн сдался: 28 апреля 1886 года, спустя шестнадцать лет после знакомства с Гортензией, в мэрии Экса он наконец-то оформил с ней брачные отношения.

А буквально за три недели до этого события произошел разрыв отношений между Сезанном и его старинным другом Золя. Судьба распорядилась так, что Поль Сезанн и Эмиль Золя учились в одной школе. С тех пор и завязались между ними крепкие товарищеские отношения, со временем переросшие в настоящую мужскую дружбу.

В трудные минуты жизни они помогали друг другу не только словом, но и материально. Например, когда отец Сезанна узнал о связи сына с Гортензией и наполовину урезал ему помощь, Золя, тогда уже известный и обеспеченный писатель, неоднократно оказывал материальную поддержку своему другу.

А поводом для разрыва послужил роман Эмиля «Творчество», в котором, как показалось Сезанну, писатель под именем Клода Лантье показал судьбу самого художника. Разумом Сезанн понимал, что герой «Творчества» – это собирательный персонаж. Но чувства ему нашептывали другое: сочиняя, Золя, возможно наперекор желанию, высказал все свои мысли о картинах своего друга.

Самым же обидным для Сезанна было то, что старый друг повел себя с ним как с врагом и даже «похоронил». «Да почитет в мире», – читал священник. «Аминь!» – отвечал мальчик-певчий.

Разочарование Сезанна в друге оказалось настолько глубоким, что он решился на разрыв. «Дорогой Эмиль! Я только что получил “Творчество”, которое ты мне любезно послал. Благодарю автора “Ругон-Маккаров” за память, прошу позволить пожать ему руку, вспоминая старые времена. Под впечатлением прошлых лет. Искренне твой Поль Сезанн».

Скомканное и безличное письмо Сезанна оказалось последним посланием, которое художник отправил своему старинному товарищу.

Идеал Рембрандта

Свою будущую жену – дочь бургомистра из богатого фрисландского рода Саскию Ван Эйленбурх – голландский художник Рембрандт ван Рейн (1606–1669) встретил в доме ее кузена. Однако выбор Саскии ее подругам из высшего общества не совсем нравился. «Он же неотесанный мужлан», – с пренебрежением говорили они. Но Саския, улыбаясь, отвечала: «Зато с ним ночи превращаются в сказку, а дни – в праздник!»

В 1634 году они обвенчались. Рембрандт был на пике вдохновения: за два года он написал пятьдесят полотен! Причем, настоящих шедевров: «Урок анатомии», «Автопортрет», «Даная»...

Он буквально боготворил свою «пышечку» и в течение восьми лет совместной жизни написал с нее несколько десятков картин. Но больше всего нравилась ему Саския в «Даная». И, возможно, поэтому он не выставил ее на продажу, а оставил у себя.

Саския, как и ее муж, мечтали завести детей. Но, словно подчиняясь злему року, они умирали в младенческом возрасте. Судьба пощадила лишь Титуса – единственного из четырех родившихся детей.

Как-то ночью Саския неожиданно обратилась к мужу с просьбой принести ей перо и бумагу. Получив письменные принадлежности, она стала писать... завещание. Все свое состояние она отказывала мужу, но только при одном условии: что он до конца жизни останется верен ей и больше никогда не женится.

А спустя всего несколько дней – 14 июля 1642 года 30-летняя Саския отошла в мир иной. На руках у художника остался сын Титус, которому недавно исполнилось девять месяцев. После смерти жены Рембрандт ничего не ел, бредил, и друзья стали опасаться за его разум.

Но со смертью Саскии жизнь не остановилась. Тем более что рядом с Рембрандтом находился его малыш. И для ухода за ним срочно требовалась нянька. Выбор был не богат. И кто-то из знакомых посоветовал художнику пригласить вдову трубача, сорокалетнюю фламандку Гертье Диркс. И в марте 1643 года она впервые переступила порог дома Рембрандта: молодая, крепкая...

Двенадцать лет хранил Рембрандт верность Саскии. Но на тринадцатом году он нарушил свой обет, соблазвившись симпатичной Гертье, которая первой проявила активность. И после нескольких горячих ночей Рембрандт подарил любовнице кольцо с обещанием жениться на ней. С этого времени Гартье стала законной хозяйкой дома, продолжая по-прежнему искренне любить маленького Титуса, в пользу которого даже составила завещание.

Но если в домашней жизни у Рембрандта все было более-менее в порядке, то его дела складывались неважно. Случилось все после картины «Ночной дозор», которую художнику в 1642 году заказала Корпорация амстердамских стрелков. Но картина стрелкам не понравилась. С этого момента от произведений Рембрандта отказались большинство богатых покупателей.

С каждым месяцем заказов становилось меньше, сбережения таяли почти на глазах, а вскоре художника стали одолевать кредиторы. Работал он без малейшего вдохновения. А однажды снял со стены «Даная» и долго колдовал над ней кистью...

Около 1647 года Рембрандт неожиданно пригласил к себе новую служанку – молоденькую Хендрикье Стоффельс. Он влюбился в нее с первого взгляда. Маленькая Хендрикье в свои двадцать лет безумно напоминала Саскию. Гертье стала ревновать. Однажды, в порыве накопившегося отчаяния, она выдернула из ушей подаренные Рембрандтом серьги и бросила их ему в лицо.

В 1649 году Гертье обратилась в суд с жалобой на художника: она обвинила его в несоблюдении условий завещания. А меньше чем через год она оказалась в сумасшедшем доме, причем ее содержание оплачивал сам художник. Было ли это великодушием со стороны Рем-

брандта, или, наоборот, он специально упрятал Гертье в лечебницу, мы уже, скорее всего, никогда не узнаем...

С покорной и нежной Хендрикье Рембрандт снова превратился в безрассудного юношу, жаждущего творить. А Стоффельс постоянно позировала ему, принимая недвусмысленные позы и игриво распустив пышные волосы. В 1654 году Хендрикье забеременела. В этот период ее вызвали на допрос в протестантскую церковь и осудили за «блудное поведение». Это было серьезное по тем временам обвинение. И оно могло очень плохо кончиться для молодой женщины. Однако вскоре ее оставили в покое.

В октябре Хендрикье родила Рембрандту девочку, но и после этого, как ни любил художник свою прелестницу, он на ней не женился. Художник помнил о завещании Саскии и понимал, что в случае нарушения его условий он всей семьей пойдет по миру. Порой, словно пытаясь отойти от навалившихся проблем, он подходил к «Данае» и что-то старательно исправлял на уже давно готовом полотне.

В начале пятидесятых годов Рембрандт пишет несколько шедевров. Но ожидаемых материальных благ они не принесли. Кредиторы становились все назойливее и неуступчивее. В 1656 году суд описал имущество художника, которое через малое время было распродано в гостинице «Королевская корона». А в 1660 году был продан и дом.

Чтобы хоть как-то спастись от надвигающейся нищеты, а также чтобы картины Рембрандта не оказались в собственности кредиторов, Титус и Хендрикье создали совместное предприятие, куда пригласили и художника.

Но злой рок не оставил в покое Рембрандта и снова нанес ему жестокий удар. 24 июля 1663 года от чумы умерла его любимая Хендрикье. В то же время, словно в противовес свалившейся трагедии, неожиданно очень хорошо пошли коммерческие дела у Титуса. Он не только сумел вернуть все свои долги, погасить старые обязательства художника, но еще и подарил отцу новые холсты и печатный станок. Казалось, судьба проявила милость к художнику. Но появившимся материальным улучшениям Рембрандт радовался недолго. Судьба нанесла художнику новый жестокий удар: в 1668 году от туберкулеза умер и его единственный сын.

А в 1669 году почти слепым и в полной нищете умер и сам мастер. «Во вторник, 8 октября 1669 года, погребен ван Рейн, художник с Розенграхт, напротив Долгоф...» – гласит запись в церковной книге Вестеркерк, которая является, по сути, последним документом, относящимся к жизни великого художника.

А что же стало с «Данаей»? Известно, что после смерти автора она много раз переходила из рук в руки многих коллекционеров, пока однажды не попала к одному довольно богатому французу – Пьеру Кроза. О его коллекции произведений искусства знала вся Европа. Но его сын, барон де Тьер, коллекцию отца по достоинству не оценил и по мизерной цене продал пятьсот картин, в том числе и «Данаю», российской императрице Екатерине II.

Спустя столетие при более близком знакомстве с картиной реставраторов удивил один загадочный факт: год завершения работы, хорошо известный специалистам, был, как ни странно, прописан не совсем отчетливо. Когда ученые картину исследовали с помощью рентгена, то установили, что ее переписывали... трижды!

На том полотне, которое хранится в Эрмитаже, изменено расположение правой руки. Нет и легкой драпировки на бедрах Данаи, которая явственно видна под рентгеном. Изменена также и форма головы: у курносой и круглолицей Данаи-Саскии лицо стало удлинённым, как у Гертье Диркс, а пышные волосы, глаза и нежные округлости тела были явно заимствованы от Хендрикье. Выходит, что великий Рембрандт в «Данае» воплотил черты сразу трех своих любимых женщин! Но об этом ни одна из них не знала.

Тихая гавань Гейне

Почти вся жизнь немецкого поэта Генриха Гейне построена из противоречий. Отразились они и на сердечных влечениях поэта. Так, уже первая любовь, о которой он до последних дней сохранил самые светлые воспоминания, принесла не только душевную радость, но и долгие мучительные страдания. Кто была та богиня, очаровавшая юное сердце Генриха, до сих пор остается тайной. Известно лишь, что поэт называл ее «маленькой Вероникой» и что она, не расцветши, умерла в раннем возрасте.

«Вы вряд ли сумеете себе представить, – писал Гейне, – как красиво выглядела маленькая Вероника в маленьком гробу. Стоявшие кругом зажженные свечи бросали мерцание на бледное улыбавшееся личико, на розы из красного шелка и шумевшую золотую мишуру, которыми были убраны головка и белый маленький саван».

Смерть любимой девушки произвела такое глубокое впечатление на только что вступившего в юношеский возраст поэта, что, уже стоя одной ногой в могиле, он не раз вспоминал ее прекрасный образ. Второй девушкой, очаровавшей Гейне, была некая гимназистка А., которая тоже вскоре умерла.

Мудрено ли, что после двух неудачных страстей, пережитых на заре юности, Гейне стал погружаться в тихую меланхолию и искать утешения в романтических грезам, которые были окрашены его фантазией в мрачные тона. В этот период он с упоением читал книги, в которых изображались страшные картины или привидения.

Именно в эту мрачную пору жизни поэт влюбился в дочь палача Иозефу. Звал же он ее «Красной Зефхен». Ему было в то время около 16 лет, ей – столько же. Высокого роста, с тонкой талией, темными загадочными глазами и узкими губами, она очаровала Генриха. Но самым поразительным в облике этой девушки были ее волосы: красные – не рыжие, а именно красные, как кровь, они висели длинными локонами ниже плеч...

Женился же Гейне на простой, но симпатичной крестьянке, до этого прожив с ней шесть лет вне брака. Звали ее Матильда Мира. Она была высокого роста, с черными как смоль волосами, с блестящими глазами и живым веселым характером. Но она была настолько необразованной, что даже не умела читать. И за все те двадцать лет, которые прожил с ней Гейне, она не прочла ни одного его стихотворения. Тем не менее он по-настоящему любил Матильду. И трудно сказать, когда он был больше привязан к Матильде: в первые дни знакомства или в последние годы жизни, когда, больной и разбитый, он лежал неподвижной массой, как труп, на постели.

Вообще же великий поэт болел практически всю жизнь. Особенно страдал он от мигрени. А первые ее признаки появились еще в 1832 году, в 35-летнем возрасте, когда паралич скрючил пальцы его левой руки. В эти же годы стало падать и зрение поэта. И уже к 1843 году у Гейне были парализованы лицевые нервы, и он не чувствовал всей левой половины своего тела. Последние восемь лет жизни, полуслепой, с частично неподвижной правой рукой, поэт практически не поднимался с постели.

В дневниках за 1850 год Гейне отмечал: «...у меня ужасные судороги, нижняя половина тела омертвела, лежать могу только на боку. Четырнадцать дней мучился запором» – и добавлял, что чувствует себя намного лучше только после морфия.

Но тем не менее этот период жизни Гейне был ознаменован публикацией прекрасных стихотворений и прозаических произведений. В это же время поэт продолжал усиленно трудиться над своими мемуарами, большинство из которых, к сожалению, были уничтожены после его смерти.

Последние месяцы жизни Гейне скрашивала своими посещениями двадцатисемилетняя поклонница его таланта Элиза Кринитц, больше известная как Камилла Селден. Выполняя

работу секретаря и читая поэту газеты и книги, она очень сблизилась с ним. Однако Матильда, жена поэта, к этой их связи относилась достаточно равнодушно.

За несколько недель до смерти у поэта стали появляться приступы удушья, а накануне кончины началась рвота. В четверг, 14 февраля 1856 года, умирающего поэта посетила Элиза.

Умер Гейне воскресным утром 17 февраля 1856 года. При этом почти до последнего мгновения жизни он оставался в полном сознании. Похоронили Гейне без богослужения на кладбище Монмартра. В последний путь поэта проводили Камилла Селден, Александр Дюма и Теофиль Готье.

До последнего времени считалось, что Гейне умер от прогрессирующего сифилиса. Однако проведенные в 1990 году исследования этот диагноз поставили под сомнение. И на основании полученных новых данных был сделан вывод, что причиной смерти поэта стал рассеянный склероз.

Любовь Стивенсона

О том, как произошла первая встреча шотландского писателя Роберта Льюиса Стивенсона с его будущей женой, существуют разные мнения, но большинство биографов писателя все же склоняются к версии, что впервые он увидел Фэнни Осборн в сентябре 1876 года в небольшой деревушке Грѐз в окрестностях Парижа...

Фэнни Осборн родилась в 1840 году в Америке. У нее было трое детей, однако жила она порознь с мужем. Когда Стивенсон познакомился с Фэнни, с ней были семнадцатилетняя дочь Айсобелл и сын-школьник Ллойд Осборн. Ее младший ребенок незадолго до этого умер в Париже, где они жили в страшной нужде. В 1876 году Фэнни Осборн было тридцать шесть лет, Стивенсону – двадцать шесть.

Следует заметить, что все три женщины, которыми увлекался Стивенсон в дни своей молодости, – мадам Гаршина, миссис Ситуэлл и миссис Осборн – были на несколько лет старше его и к тому же все три были соломенными вдовами с детьми. При этом стоит подчеркнуть, что Стивенсон проявлял искреннюю любовь к детям и очень быстро находил с ними общий язык. Но, к сожалению, своих детей у писателя не было.

Конечно, если бы эта любовная история Стивенсона и Осборн произошла в богемном Париже, она, скорее всего, никого бы не удивила. Но в викторианской Англии, с ее устоявшимися традициями, да к тому же еще в Шотландии, подобные связи подвергались беспощадному осуждению. И если бы Осборн не была подданной Соединенных Штатов, а законодательство Калифорнии не предоставило ей развода без особых затруднений, затрат и скандала, вряд ли отношения Стивенсона и Осборн завершились бы браком.

Впрочем, кроме моральных аспектов, на заключительную часть этого любовного романа могли негативно повлиять и материальные проблемы. Дело в том, что Роберт Льюис, даже будучи не обремененным семьей, постоянно страдал от безденежья. А в случае женитьбы на Фэнни он тотчас оказывался на грани финансовой катастрофы: в то время на свои литературные заработки он семью содержать не смог бы. Можно, конечно, было принять в расчет родительское содержание. Но возникал вопрос: как отреагирует отец на подобное решение сына? А вдруг он после такого заявления Льюиса совсем откажет ему в помощи?

Несомненно, Роберт и Фэнни прекрасно понимали, во что выльется их семейная жизнь, если Стивенсон-старший не благословит их брачный союз. Поэтому Льюис не стал предъявлять отцу ультиматум и угрожать побегом с Фэнни, а попросил его приехать в Париж.

Именно там, в откровенном доверительном разговоре Льюис и рассказал отцу о своих отношениях с Фэнни и о своем намерении жениться на этой женщине. Конечно, при свойственных ему общественных и религиозных убеждениях, – а он был человеком набожным, – Томас Стивенсон должен был увидеть создавшуюся ситуацию в самом непривлекательном свете. В его понимании все выглядело таким образом, что или его сын разбивал двадцатилетний семейный союз, или Фэнни – авантюристка, стремившаяся избавиться от мужа-неудачника и воспользоваться благами, которые предоставят ей деньги в добропорядочной и зажиточной семье. Выходило, что с какой бы стороны Стивенсон-старший ни посмотрел на этот брак, он для его сына не сулил ничего хорошего.

И тем не менее существовавшая между отцом и сыном искренняя привязанность помогла им прийти к взаимопониманию. И хотя это соглашение, скорее всего, имело под собой весьма зыбкий фундамент, все же оно было достигнуто...

Как бы то ни было, но в самом начале августа 1878 года Фэнни с детьми приехала в Лондон, чтобы уже оттуда отправиться в Штаты. Трудно сказать, к какому соглашению пришли влюбленные перед отъездом Фэнни на родину, но, по-видимому, в общих чертах их план

состоял в том, что Фэнни добьется у мужа развода, а затем, будучи юридически свободной, выйдет замуж за Льюиса.

Если мы взглянем на создавшуюся ситуацию глазами Фэнни, то увидим, что принять окончательное решение ей было очень и очень нелегко. У нее на руках было двое детей, и, хотя в то время ни Льюис, ни ее муж Сэм не могли обеспечить семью, последнему она имела право предъявить это требование, а Стивенсону – нет. Более того, она до конца не была уверена и в другом: искренне ли любит ее Льюис и не охладет ли он к ней в разлуке. Ей было известно, что он подвержен смене настроений: очень часто за приступами восторженной экзальтации следовала депрессия. И кто знает, как он поведет себя в ее отсутствие: не встретит ли новую, более молодую пассию и не бросит ли ее в самую тяжелую минуту? Да и болезнь дыхательных путей, которой страдал Стивенсон (а Фэнни, скорее всего, знала о ней), могла стать причиной для долгих раздумий. Вероятно, этими вполне естественными колебаниями и объясняется годовая задержка с разводом.

А чем же занимался Стивенсон в отсутствие Фэнни? О его поведении в этот период жизни отзываются по-разному. Так, ходили слухи, что после отъезда Осборн он «приударял» за двумя женщинами сразу, которые, однажды встретившись, вцепились друг другу в волосы. Обвинять писателя в любовных похождениях довольно трудно. Ведь часто мужчина, серьезно влюбленный в одну женщину, в ее отсутствие флиртует с другими. Да и разлука с Фэнни тянулась уже целый год, и полной ясности с ее разводом у Луиса тоже не было...

И вот наконец-то в августе 1879 года Льюис получил от Фэнни долгожданную телеграмму. Что говорилось в этом послании из-за океана, неизвестно. Но Стивенсон тотчас решил ехать в Калифорнию. К этой затее Льюиса и родители, и его ближайшие друзья отнеслись с явным неодобрением, считая поездку бесполезной и ненужной. Отец и мать, надеясь помешать Льюису, даже лишили его материальной поддержки.

И все же, несмотря на возникшие трудности с финансами, 7 августа 1879 года Роберт Льюис Стивенсон отплыл в Нью-Йорк. За восемь гиней он пересек Атлантический океан в каюте второго класса. Здесь был стол, за которым он мог писать, а в Нью-Йорке он был освобожден от обязательного для эмигрантов карантина.

Появление Стивенсона в Монтеррее, куда недавно переехала Фэнни, поставило ее в весьма затруднительное положение. Продолжать держать Льюиса в неведении не имело смысла: она должна была что-то предпринять.

Одна серьезная проблема, которая удерживала ее от развода, была разрешена: Белла вышла замуж. Но сама Фэнни продолжала колебаться, и в первую очередь потому, что жила в это время на деньги мужа. Если бы Льюис приехал в Америку с деньгами в кармане, с благословением отца на их брак и на материальную поддержку с его стороны, она бы сразу развелась и вышла замуж за Роберта.

О чем Фэнни говорила с Льюисом во время их встречи, сказать невозможно, но вряд ли она его обнадежила. Казалось бы, полное поражение. К тому же в это время Стивенсона свалила болезнь. У него даже открылся активный туберкулезный процесс в легких, сопровождавшийся кровохарканьем.

И все-таки спустя какое-то время счастье улыбнулось Роберту: Фэнни решила навсегда расстаться с Сэмом и связать свою жизнь с ним. На три месяца, пока Фэнни уехала заниматься бракоразводным процессом, Стивенсон остался в Монтеррее. Увидеться вновь они договорились в Сан-Франциско. Что же касается Сэма Осборна, то он не попытался воспрепятствовать разводу. Более того, он даже взял на себя содержание Ллойда и Фэнни до тех пор, пока она снова не выйдет замуж.

А в это самое время больной Стивенсон сражался с нищетой. В одном из писем на родину он сообщает, что «у него осталось всего восемьдесят долларов на два дома». Чуть позже он пишет, «что на еду тратит не более двадцати пяти центов». Безусловно, такая «роскошная»

жизнь не могла продолжаться вечно: Стивенсон серьезно заболел и слег на несколько недель. Если бы ему не посчастливилось найти хорошего доктора, а у Фэнни не хватило смелости пренебречь условностями и взять его к себе и выходить, он бы умер.

В этот же период у Стивенсона возник и первый приступ горлового кровотечения. Это означало, что у него открылся туберкулез. В связи с болезнью Льюиса возникает вполне закономерный вопрос: о чем думали родители и друзья, на целых девять месяцев оставив без денежной помощи такого болезненного человека? Ответ может быть самым мрачным: таким образом они хотели помешать браку Льюиса и Фэнни.

Казалось бы, в такой ситуации брак Фэнни и Льюиса – чистое безумие. Но неожиданно в мае 1880 года Стивенсон получил телеграмму, которую он назвал «посланием с небес». В ней было всего несколько слов, но каких слов: «Рассчитывай на двести пятьдесят фунтов в год». Что заставило отца так резко изменить свое решение, тоже остается загадкой. Вероятно, этому его решению способствовали многие причины: жалость к сыну, уговоры жены, «воззвание» к мистеру Стивенсону самой Фэнни.

Эта телеграмма была своего рода зеленым светом на перекрестке: в мае 1880 года, спустя три года после знакомства, влюбленные сочетались браком. А еще через три месяца они вернулись в Англию. При этом они оба были очень плохо одеты. Скорее всего, Стивенсон прибыл на родину в том же платье, в котором уехал в Америку. Ну а Фэнни находилась в этот период в столь трудных обстоятельствах, что не смогла купить новую одежду себе и сыну. Они, вероятно, выглядели весьма непрезентабельно в глазах почтенной публики, встречавшей их. Поэтому родители сразу же предложили им обновить свой гардероб, объяснив это свое решение тем, что им нужны «свадебные наряды».

Несомненно, что и в будущем мистер Стивенсон оказывал молодоженам финансовую помощь сверх той суммы, которую он пообещал выдавать ежегодно. Без его содействия тех двухсот пятидесяти фунтов вряд ли могло хватить на путешествия, счета врачей, образование Ллойда и легкомысленные траты Льюиса.

Так завершилась трехлетняя борьба Роберта Льюиса Стивенсона за свою любовь к Фэнни Осборн. И, как показала дальнейшая, уже семейная жизнь этой пары, Стивенсон не зря положил на любовный алтарь столько усилий: Фэнни оказалась порядочной и любящей супругой, оставшейся верной спутницей и помощницей писателя на всем протяжении его недолгой жизни...

Скончался Стивенсон 3 декабря 1894 года на Самоа, где он неожиданно, за четыре года до внезапной смерти, поселился со своей возлюбленной. В этот день Льюис, оставив работу, вышел из кабинета. И ему сразу бросилось в глаза, что Фэнни чем-то огорчена: все последние дни она страдала от неясного предчувствия, что с кем-то из близких людей скоро случится несчастье, хотя оба были уверены, что им самим ничто не грозит.

Льюис решил развеять ее грустные мысли. Он принес бутылку вина и стал помогать Фэнни готовить салат. И вдруг он пошатнулся, а затем словно подкошенный рухнул на пол. А через два часа Льюиса не стало. Прибывший врач констатировал смерть от кровоизлияния в мозг...

Похоронили Стивенсона на вершине горы Веа, там, где он и завещал. Позднее там же поставили и надгробный памятник и высекли на нем строки из «Реквиема», написанного Стивенсоном за много лет до своей кончины...

А спустя десять лет после смерти Стивенсона, в 1914 году в Калифорнии скончалась и Фэнни. Через год, когда Самоа перешел под юрисдикцию Новой Зеландии, ее прах был доставлен на остров и предан земле рядом с останками мужа. Так совершилось посмертное свидание двух людей, объединенных при жизни романтической любовью.

Загадочный роман Ференца Листа

Венгерский композитор, пианист-виртуоз и дирижер Ференц Лист (1811–1886) пережил один из удивительнейших романов. А начало ему положил приезд композитора на гастроли в Киев в 1847 году. Именно здесь он и встретил предмет своей страсти – богатую аристократку, которая с юных лет была влюблена в известного композитора. Звали поклонницу Ференца Листа Каролиной Сайн-Витгенштейн.

Но, хотя композитор любил и был любим, тем не менее жениться на предмете своей страсти он не мог. Причин для этого было немало. Однако, когда все препятствия наконец исчезли, он неожиданно сам отказался от цели, к которой стремился много лет. Вот в общих чертах сюжетная канва этого удивительного и вместе с тем загадочного романа.

Судьба княгини складывалась совсем непросто. По требованию отца Каролина в семнадцатилетнем возрасте вынуждена была связать свою жизнь брачными узами с князем Николаем Сайн-Витгенштейном – сыном русского фельдмаршала, который являл собой набор самых разных пороков: мотовства, грубости, сладострастия...

Жизнь с таким человеком со временем стала для Каролины невыносимой, поэтому она вынуждена была обратиться к императору Николаю I с просьбой о разводе, предполагая впоследствии просить об этом же папу римского. Впрочем, некоторые биографы композитора считают, что к этому решению ее мог подвигнуть даже не столько несносный характер мужа, сколько страстная любовь к Ференцу Листу, с которым Каролина после встречи в Киеве впоследствии сошлась довольно близко. Отношения между композитором и Каролиной стали еще более тесными, когда маэстро приехал к княгине в одно из подольских поместий, чтобы пого- стить.

Итак, княгиня решает официально порвать отношения с князем Сайн-Витгенштейном, чтобы связать себя узами брака с Ференцом Листом. Однако в просьбе о разводе ей было отказано. Более того, у нее были конфискованы все имения, а ей самой запрещено возвращаться в Россию из Карлсбадена, где она в то время находилась.

После такого поворота событий княгиня отправилась в Веймар. Вслед за ней в этот немецкий город выехал и Ференц Лист. Возлюбленные поселились в одном из замков, который пожаловала Каролине великая герцогиня Мария Павловна, принявшая большое участие в ее судьбе.

Двенадцать лет, прожитые Ференцом Листом в Веймаре, вероятно, были лучшими годами в его жизни. Теперь у него по-настоящему был свой «дом», в котором он чувствовал постоянную заботу о себе, ежечасное стремление сохранить его вдохновение. Кроме поддержания творческой атмосферы, Каролина принимала активное участие и в работе Листа над книгой о Шопене.

И все же, несмотря на упоение любовью и бесконечное счастье, в которое были погружены влюбленные, они прекрасно понимали, что общество в их отношениях видит признаки аморальности и, конечно же, относится с неодобрением.

Новую попытку узаконить отношения с Листом Каролина предприняла с вступлением на престол императора Александра II. И на этот раз ее просьба о разводе наконец-то была удовлетворена. Казалось бы, долгожданная цель вот-вот будет достигнута. Ведь дело теперь оставалось за малым: получить согласие на развод у папы римского. При этом и Каролина и Ференц не сомневались, что папа не откажет. И, действительно, их ожидания вскоре сбылись.

Но судьба порой преподносит самые неожиданные, почти невероятные сюрпризы. Так случилось и на этот раз. Уже был назначен день бракосочетания, как вдруг из Рима пришла поистине ужасающая для влюбленных новость: папа берет свое согласие обратно!

Каролина в отчаянии. Она понимает, что ее мечты стать женой композитора уже вряд ли когда-нибудь сбудутся. Но вдруг судьба снова меняет свое отношение к этой женщине: в это время умирает князь Николай Сайн-Витгенштейн. Казалось бы, теперь ничто не может помешать влюбленным соединить свои сердца. Даже римский папа.

Но радость Каролины и на этот раз была преждевременной: неожиданно Лист принимает решение постричься в монахи. Что заставило его совершить этот поступок как раз в тот момент, когда долгожданная цель была почти рядом, осталось тайной. Лист и Каролина унесли ее в могилу: он в 1886 году, она – спустя семь месяцев после его смерти.

Тютчев и Денисьева

1850 год в личной жизни стал для Федора Тютчева особым: его захватила новая и одновременно самая глубокая в жизни любовь. Женщиной, которой поэт обязан рождением этого чувства, была Елена Денисьева – племянница инспектрисы Смольного института. И, между прочим, этот факт сыграл главную роль в завязке этой романтической истории.

Дело в том, что впервые встретились они именно в знаменитом Смольном институте благородных девиц, где в 1845 году начали обучение дочери Тютчева от первого брака – Дарья и Екатерина, и где в это же время завершала учебу Елена. К тому же в одном классе с дочерьми Тютчева учились и младшие сестры Денисьевой – Мария и Анна. А чуть позже Елена даже подружилась с Анной. Естественно, это удивительное стечение обстоятельств и положило начало знакомству Елены Денисьевой и Тютчева.

В то время, когда поэт впервые увидел Елену, ему было сорок два года, а ей – двадцать лет. В последующие четыре года они встречались достаточно часто, но дальше взаимных симпатий их отношения не выходили. И только в 1850 году они стали видеться не просто как обычные знакомые, а как самые настоящие влюбленные. Конечно, своим свиданиям они старались придать максимальную скрытность, но тем не менее уже в марте 1851 года их общая тайна раскрылась. А так как Смольный тщательно оберегал свою репутацию, то в связи со случившимся сразу же была уволена из института и тетя Елены – Анна Дмитриевна. Кроме того, отец, узнав о связи дочери с Тютчевым, в гневе отрекся от нее и даже запретил встречаться с ней родственникам.

А спустя всего два месяца, 20 мая, Денисьева родила дочь, которую, как и мать, назвали Еленой. Это событие еще сильнее скрепило отношения между влюбленными. Правда, радость рождения девочки была испорчена тем фактом, что, даже несмотря на то, что ее окрестили Тютчевой, она все равно считалась незаконнорожденной.

Рассказывая о развитии романа между Тютчевым и Денисьевой, мы не должны забывать, что у Федора Ивановича в это время была законная супруга – Эрнестина Федоровна, которая родила ему двух дочерей и сына. И, конечно же, на этом фоне встает естественный вопрос, как воспринимала жена любовь мужа к другой женщине.

И как это не удивительно, но Эрнестина, которой в то время не было еще и сорока, в очень трудных жизненных обстоятельствах проявила удивительное самообладание. Так, в течение всех четырнадцати лет она ни разу не показала, что ей известны истинные отношения мужа и Денисьевой. Единственное, что она позволяла себе, это написать в письмах мужу, что он ее больше не любит и им следует расстаться.

Впрочем, в этот период отношения Тютчева с супругой довольно продолжительное время поддерживались лишь благодаря их переписке. Такое случилось, например, с весны 1851 до осени 1854 года, когда Эрнестина с детьми почти безвыездно находилась в Овстюге, а в июне 1853 она уехала в Германию, где и прожила почти год. Кстати, она даже подумывала не возвращаться назад в Россию, но все же нашла в себе силы отказаться от этой мысли. И сделала она это прежде всего потому, что безгранично любила своего Федора.

Это видно хотя бы по отрывку из письма Дарьи сестре Анне о том, как в августе 1855 года Эрнестина встречала Тютчева из Рославля в Овстюг: «Дважды в день напрасно ходила на большую дорогу, такую безрадостную под серым небом... По какой-то интуиции она велела запрячь маленькую коляску, погода прояснилась... и мы покатали по большой дороге. Каждое облако пыли казалось нам содержащим папу, но каждый раз было разочарование... Наконец, доехав до горы, которая в 7 верстах от нас... мама прыгает прямо в пыль... У нее было что-то вроде истерики... Если бы папа не приехал в Овстюг, мама была бы совсем несчастна».

Но даже самое любящее сердце не всегда может выдержать постоянные душевные нагрузки. И, конечно же, Эрнестина Федоровна тоже иногда срывалась. И в 1853 году отношения между ней и мужем настолько обострились, что оказались на грани разрыва.

По этому поводу Тютчев в сентябре того же года писал жене в Мюнхен следующее: «Что означает письмо, которое ты написала мне в ответ на мое первое письмо из Петербурга? Неужели мы дошли до того, что стали так плохо понимать друг друга? Но не сон ли все это? Разве ты не чувствуешь, что все, все сейчас под угрозой?.. Недоразумение – страшная вещь, и страшно ощущать, как оно все углубляется, расширяется между нами, страшно ощущать всем своим существом, как ощущаю я, что оно вот-вот поглотит последние остатки нашего семейного счастья, все, что нам еще осталось на наши последние годы и счастья, и любви, и чувства собственного достоинства, наконец... не говоря уже обо всем другом...» И когда в мае 1854 года Эрнестина возвратилась из Германии, между ней и Тютчевым наступило примирение, хотя и не полное.

А 11 октября 1860 года Елена, находясь в Женеве, разрешилась от бремени вторым ребенком, которого назвали Федором. С этого времени и до конца жизни Денисьевой поэт почти не расставался с ней надолго. Они вдвоем уезжали за границу, а также в Москву, куда поэт отправлялся по делам...

А 22 мая 1864 года Денисьева снова родила ребенка. И тоже сына, которого окрестили Николаем. Но эти роды оказались для Елены Александровны трагическими. Сразу после них у нее стал быстро развиваться туберкулез. Как раз в это время Тютчев по неотложным делам должен был выехать в Москву. Возвратившись через три недели в Петербург, он практически все время посвящал уходу за умирающей Денисьевой.

Но, несмотря на все принимаемые меры, жизнь Елены медленно затухала, и 4 августа 1864 года она скончалась на руках у Тютчева. А 7 августа ее похоронили на Волковском кладбище в Петербурге.

Смерть возлюбленной опустошила Федора Ивановича. Об этом на следующий день после похорон он написал в Москву А.И. Георгиевскому, женатому на сестре Денисьевой – Марии: «Пустота, страшная пустота... Даже вспомнить о ней – вызвать ее, живую, в памяти, как она была, глядела, двигалась, говорила, и этого не могу. Страшно, невыносимо...» По сути, Тютчев в это время оказался на грани душевного срыва. Дочь Анна, проживавшая в Дармштадте, к которой он приехал в конце августа, сообщала сестре Екатерине, что папа «в состоянии, близком к помешательству, что он не знает, что делать».

5 сентября Тютчев прибыл в Женеву, где его ожидала Эрнестина Федоровна. Свидетельница этого события отмечала, что «они встретились с пылкой нежностью». Казалось, эта встреча притупила душевную боль Тютчева от потери Денисьевой. Однако это его состояние успокоенности продолжалось недолго. 6 октября он пишет Георгиевскому: «Не живется, мой друг, не живется... Гноится рана, не заживает». А спустя два месяца с лишним, 8 декабря, – Полонскому: «Друг мой, теперь все испробовано – ничто не помогло, ничто не утешило, – не живется – не живется – не живется...»

Одно время у людей, хорошо знавших поэта, даже стало складываться мнение, что после смерти Елены Александровны Тютчеву «самому осталось недолго жить». А тут еще словно в подтверждение пословицы, что «беда не проходит одна», 2 мая 1865 года от скоротечной чахотки умирает четырнадцатилетняя дочь Тютчева и Денисьевой – Елена. А на следующий день от этой же болезни скончался сын Коля.

Сколь страшным было его горе, можно судить хотя бы по его письмам. Так, 17 мая в письме Георгиевскому он пишет: «Последние события переполнили меру и довели меня до совершенной бесчувственности. Я сам себя не сознаю, не понимаю...» 20 июня – сестре Елены: «Не было ни одного дня, который я не начинал без некоторого изумления, как человек продолжает еще жить, хотя ему отрубили голову и вырвали сердце».

И все же не зря говорят, что любую боль лечит время. Глухую пустоту в сердце Тютчева постепенно стала заполнять другая женщина, подруга Денисьевой – Елена Богданова. А начиная с конца 1865 года он стал видеться с ней все чаще и чаще.

Сватовство Гоголя

Известно, что к физической стороне любви Гоголь был равнодушен. Посему, видимо, особого интереса не проявлял и к брачному союзу, считая, что без него вполне можно обойтись. «Я просто стараюсь не заводить у себя ненужных вещей и сколько можно менее связываться с какими-нибудь узами на земле», – писал он в 1849 году.

Однако как это ни странно, но именно к этому времени относится попытка Николая Васильевича обзавестись узами брака. Кто же так глубоко запал в сердце вольнолюбивого человека? А то, что глубоко, сомневаться не приходится, потому что именно о ней, своей возлюбленной, Гоголь в конце первого тома «Мертвых душ» пишет: «...чудная русская девица, какой не сыскать нигде в мире, со всей дивной красотой женской души, вся из великодушного стремления и самоотвержения».

Кто же послужил прототипом Улиньки из «Мертвых душ»? Как считает Иван Аксаков, это была дочь графа Виельгорского – Анна Михайловна. Гоголь был не только знаком с этим хорошо известным в Петербурге семейством, но и в течение многих лет переписывался с самим графом, его супругой Луизой Карловной и тремя дочерьми, младшая из которых, Анна, или Нози («Носатая»), как звали ее домашние, и стала предметом его особых забот.

Анна знала Гоголя с восьмилетнего возраста. Но увидела знаменитого писателя лишь зимой 1843/44 года в Ницце, когда в сопровождении папеньки и знаменитого писателя прогуливалась по берегу уже остывшего моря.

Тогда Анне Михайловне исполнилось двадцать лет. Она была буквально околдована писателем. И он ей льстил тоже. Потом он уехал во Франкфурт и уже оттуда прислал лично ей письмо, которое послужило предисловием к их переписке...

Начало же настоящего романа с Анной Виельгорской биографы относят к осени 1848 года. Продолжался он недолго, всего полгода. Но это был период интенсивной переписки, обмена советами, намеками, запросами, окольными признаниями. Полгода почти полного отвлечения от труда в пользу настоящей минуты, отрыва от «желаний небесных» во имя «желаний земных».

В это же время стали более частыми и его визиты к Виельгорским. Тайную причину их поняли не все. Но, например, писатель Владимир Соллогуб, женатый на одной из дочерей графа, довольно быстро обо всем догадался. «Анна Михайловна, – читаем в его “Воспоминаниях”, – кажется, единственная женщина, в которую был влюблен Гоголь».

Чувствовал это и сам Николай Васильевич. Правда, он все еще с тщательностью психоаналитика пытается разобраться в своем состоянии. «Нервическое ли это расположение или истинное чувство, я сам не могу решить». И в конце концов приходит к выводу, что это все-таки чувство.

Но от этого вывода ему не становится легче. Понимая, в сколь серьезном положении он оказался, Гоголь мечется в сомнениях, пытается хотя бы частично найти ответы на самые обыденные и одновременно теперь для него наиболее важные вопросы: любит ли его Анна Михайловна? Как отнесутся к его, мелкопоместного дворянши, намерениям ее родители?

Адресованные ему письма Анны Михайловны дают Гоголю хоть и малое, но все же основание надеяться на взаимность. Впрочем, возможно, он просто обманывался. Что же касается родителей Анны, то он, видимо, на сей счет не питает особых иллюзий.

Получить отказ из первых рук было бы для Гоголя величайшим посрамлением. Кроме того, это было бы уже официальным сватовством, которое невозможно скрыть. Он же хотел наибольшей секретности.

Поэтому, чтобы обезопасить себя от унижения вероятного отказа, осторожный Гоголь делает свое предложение через Веневитиновых – старшую сестру Анны Михайловны Аполлинарию и ее мужа Алексея Владимировича.

Веневитиновы как раз подходили для этой роли. Они были как бы частью семьи Виельгорских и вместе с тем жили отдельно. Зная благородство и независимость этой четы, он мог полностью рассчитывать на сохранение тайны. Тайну ему гарантировал и их семейный интерес.

Каким образом обратился Гоголь к Веневитиновым: в устной или письменной форме – неизвестно. Правда, существует версия, что свое предложение писатель все-таки изложил в письме, которое до нас не дошло. По крайней мере, в другом письме, сохранившемся, Гоголь объявляет первое письмо «неуместным» и просит прощения за то, что «смутил» адресата.

Сами Веневитиновы (как и Виельгорские) не решились придать этому делу огласку. Более того, согласно слухам, Гоголю было отказано уже на первом этапе его сватовства. И сделал это Веневитинов, очень хорошо знавший характер и воззрения своей тещи. Он был убежден, что Луиза Карловна ни за что не даст разрешение на этот брак. И Гоголь согласился с доводами Алексея Владимировича.

А что же Анна Михайловна? Знала ли она о несостоявшемся сватовстве? Вероятно, знала. И тому немалым подтверждением может служить совершенно несвойственное Гоголю письмо, которое он отправил ей весной 1850 года.

Судя по его содержанию, оно далось ему нелегко. «Писал, исправлял, марал, вновь начал писать и увидел, что нужно изорвать написанное, – признавался Гоголь. – Нужна ли вам моя, точно, моя исповедь? Вы взглянете, может быть, холодно на то, что лежит у самого сердца моего...»

Гоголь теперь уже не сомневался, что свойственную характеру Анны Михайловны теплоту, которая была вложена в строки ее писем, он принял за любовь к нему. И, прозрев, он, безусловно, почувствовал горькое разочарование.

Сергей Тимофеевич Аксаков как-то обронил страшную фразу: «...поистине я не знаю ни одного человека, который бы любил Гоголя». Уточняя, он добавил, что любил бы не за талант, а как человека. Видимо, и Нози так же, как и большинство его современников, относилась к Гоголю: любила не его самого, а его талант.

«Роман» завершился весной 1849 года. В это время Гоголь с облегчением написал матери: «Слава богу!.. Ни я не женился, ни сестры мои не вступили в брак, стало быть, меньше забот и хлопот». Да и любил ли он Анну Михайловну? Скорее всего, нет. Было всего лишь разогретое воображение, заочное торжество в мыслях, но не любовь.

Как Аврора Дюпен стала Жорж Санд

В четырнадцать лет Аврора Дюпен попала в женский Августинский монастырь в Париже. Ей здесь понравилось. И если первый год пребывания в святой обители запомнился для Авроры как время искренности и бунта, то на второй она резко изменилась. А предшествовало этой перемене следующее событие. Дело в том, что некоторые монахини могли из воспитанниц монастыря выбрать себе «дочку» и впоследствии относиться к ней как к родному ребенку. Аврора тоже пожелала, чтобы ее удочерили. Причем чтобы это обязательно сделала самая красивая, самая добрая и самая умная из всех монахинь – Мария-Алисия.

Желание Авроры осуществилось, правда, при этом ей пришлось пообещать, что она исправится, превратившись из отъявленного чертенка в милое добропорядочное дитя. И Аврора сдержала свое слово. Так, она стала очень внимательно читать жития святых. Их преданность вере, невероятное мужество в отстаивании своих взглядов находили в сердце девушки свое место, меняя ее взгляды на жизнь. Мистицизм все глубже и глубже проникал в ее душу.

Однажды, прогуливаясь по крытой галерее монастыря, она решила зайти в церковь. Вокруг царил густая темнота, и лишь в алтаре бокового придела горела небольшая лампадка. В распахнутое окно вливались густые запахи жасмина.

«Мне показалось, что звезда, как бы вписанная в витраж, затерянная в необъятном пространстве, внимательно смотрела на меня, – вспоминала впоследствии Аврора. – Пели птицы; вокруг был покой, очарование, благоговейная сосредоточенность, тайна, о которой я никогда не имела представления... не знаю, что меня вдруг потрясло так сильно... У меня закружилась голова... Мне показалось, что какой-то голос шепнул мне на ухо: “Tolle, lege”. Слезы потоком хлынули из глаз. Я поняла, что это любовь к Богу... Словно стена рухнула между этим очагом беспредельной любви и пламенем, дремавшим в моей душе...»

С этого часа она решила полностью посвятить себя служению Богу. А так как Аврора была человеком крайностей, она стала думать о поступлении в монастырь. Причем войти туда послушницей, исполняющей самые униженные обязанности: подметать помещения, ухаживать за тяжелобольными.

«Я буду служанкой, – думала Аврора, – буду работать до полной потери сил, буду подметать кладбище, выносить мусор. Все буду делать, что мне прикажут... Пусть один Господь Бог будет свидетелем моих мучений. Его любовь вознаградит меня за все...»

Со временем набожность девушки превратилась в страсть. «Это полное слияние с божеством я воспринимала как чудо, – делится своими чувствами Аврора. – Я буквально горела, как святая Тереза; я не спала, не ела, я ходила, не замечая движений моего тела...»

Длилось это состояние умерщвления плоти полгода. А положил ему конец ее духовник, аббат де Премор. Когда на исповеди Аврора рассказала ему о своей страсти, аббат осудил ее мистические переживания, а также стремления к слиянию с Богом. «Конечно, если бы не он, – напишет Аврора в пятьдесят лет, – я сейчас была бы либо сумасшедшей, либо монахиней».

Она повиновалась, и после шести месяцев отрешенности от реалий внешнего мира Аврора спустилась на землю. Однако в глубине души она осталась верной своему решению. И, как она говорила потом, конечно, постриглась бы в монахини, если бы в 1820 году бабушка, которая к этому времени сильно ослабла, не забрала ее обратно в суетный мир...

Мысли же о возвращении в монастырь, который за три года стал для Авроры почти раем, еще долгое время не покидали ее после того, как она снова оказалась в суетном мире. Она даже решила снова вернуться в монастырь, как только выздоровеет бабушка.

Однако судьба распорядилась так, что благим намерениям Авроры Дюпен не дано было осуществиться. В первый день Рождества 1821 года бабушка отошла в мир иной, а еще через

год и девять месяцев, 10 сентября 1822 года, Аврора стала супругой Казимира Дюдевана и уже в качестве замужней женщины уехала в Париж.

И кто мог подумать, что в недалеком будущем эта воспитанница Августинского монастыря, мнившая по выходе из него о новом возвращении в его стены в качестве послушницы, приобретет известность не только своими романами, но и любовными похождениями...

А положила им начало амурная связь с двадцатилетним Орельеном де Сез – товарищем прокурора в суде города Бордо. Он сразу же, как только впервые увидел Аврору Дюдеван, влюбился в нее. Однако, когда попытался открыться ей в этом, богобоязненная Аврора его оттолкнула. Но неутоленная страсть не могла долго томиться в пылком сердце молодой женщины.

Как-то на балу она провела наедине с господином де Сезом целый час. Была теплая ночь. В уголке, где они нашли уединение, их окружала загадочная темнота. И в одно из этих упоительных мгновений де Сез обнял Аврору и прошептал слова признания.

«Без сомнения, если бы я уступила его первому порыву, мы согрешили бы, – вспоминала некоторое время спустя Аврора. – Ночью наедине с женщиной, давшей ему понять, что она любит его, кто может управлять своими чувствами, заставить их умолкнуть? Но, вырвавшись сразу же из его объятий, я стала умолять его отпустить меня. Напрасно он успокаивал меня, клялся своей честью; я настаивала, что мы должны уйти оттуда, и он подчинился молча». Когда они поднимались по крутому обрыву, де Сез снова обнял Аврору и, прежде чем расстаться, запечатлел на ее щеке пламенный поцелуй.

И тем не менее, несмотря на закипавшее чувство, Аврора все еще хотела оставаться верной своему мужу Казимиру. И по этой причине она предложила Орельену предаться платонической любви. И де Сез согласился. Они стали обмениваться письмами и подарками: Аврора отправила ему связанный ею кошелек, а Орельен ей – бакский берет.

Но удержать мужчину без телесной любви невозможно. Да и самой госпоже Дюдеван такие отношения стали понемногу надоедать: быть любимой и любить, не отдаваясь, не вязалось с ее ищущей плотью...

Однажды она встретила со Стефаном, с которым когда-то в детстве занималась остеологией. Теперь он стал настоящим ученым-натуралистом, а его лицо, окаймленное бородой, было таким же красивым, хотя и не по возрасту постаревшим. И неожиданно бывший учитель пробудил в Авроре настоящее любовное чувство. К тому же весь его вид: и впалые щеки, и мутные глаза, и сторбленная фигура – говорил о его тяжелой внутренней болезни. А Авроре нравилось ухаживать за больными.

Связь Авроры и Стефана все более и более крепла и вскоре не вызывала ни у кого сомнения: теперь о романе между ними говорили все. А поводов для таких суждений было немало: Аврора путешествовала со Стефаном, была при нем всегда в Берри, следовала за ним в Париж. А впоследствии потомки Стефана выяснили, что любовники постоянно обменивались пылкими письмами. Более того, из Парижа, где она находилась вместе со Стефаном, Аврора вернулась беременной. Ее дочь Соланж появилась на свет 13 сентября 1828 года, и совпадение зачатия ребенка с ее пребыванием в Париже указывало на причастность к этому акту Стефана. И хотя она утверждала, что ребенок родился раньше срока из-за ее испуга, в это мало кто верил...

30 июля 1830 года Аврора впервые увидела очаровательного Жюля Сандо, которому к тому времени исполнилось девятнадцать лет. При появлении госпожи Дюдеван он скромно отошел от группы молодежи в сторону и с книгой в руках уселся на скамейку.

А на следующий день, отвечая на приглашение Авроры, Жюль в компании молодых людей появился в ее имении Ноан. Он был очарован ослепительной красотой этой женщины. Ее черные сверкающие глаза и гибкий стан буквально свели его с ума. Той же страстью к моло-

дому человеку была охвачена и Аврора. Все соблазняло опытную жрицу любви в Жюле: его молодость, пунцовые щеки, кудри его светлых волос...

«Если бы знали, как я люблю это милое дитя, – в те дни записала в своем дневнике Аврора. – Мое сердце говорило мне о любви, но я сопротивлялась ему». И действительно, прежде чем открыться Сандо, она несколько недель боролась с собой и со своими чувствами. Наконец, не выдержав, ее неутолимая страсть выплеснулась наружу. После взаимного признания в любви их встречи приобрели постоянный характер. Аврора даже велела отремонтировать флигелек, который стал местом их амурных свиданий.

Но счастье длилось недолго. Закончились вакации, ее светловолосый ангел любви вместе с друзьями уехал в Париж продолжать учебу, а ее охватило одиночество. Чтобы хоть как-то скрасить скуку, она писала ему длинные, полные нежности письма. Но слова любви, даже самые пылкие и страстные, но изложенные на бумаге, не могут заменить слов, сказанных друг другу наедине, под аккомпанемент жарких поцелуев и горячих объятий.

И вот, чтобы увидеться с маленьким Жюлем, она решает ехать в Париж. Конечно, решиться на такой шаг было непросто: главным препятствием являлись дети и деньги. Правда, второй вопрос решился довольно быстро: Казимир обещал ей три тысячи франков годовых при условии, что она сохранит видимость брака. Что же касается детей, то и это препятствие она преодолела, пригласив в Ноан наставника. И, разобравшись с семейными проблемами, 4 января 1831 года госпожа Дюдеван покинула Ноан...

В Париже она поселилась в квартире своего брата Ипполита Шатирона на улице Сены. Аврора была опьянена Парижем и чувствовала себя, как никогда, счастливой. Однако даже самая скромная жизнь в столице требовала затрат. Причем немалых. И даже с тремя тысячами годовых приходилось себя во многом ущемлять. Вывод напрашивался сам собой: необходимо было зарабатывать деньги. Но как? После нескольких попыток трудоустроиться Аврора решает писать. А почему бы и нет? Тем более что она могла писать быстро, легко и много, не уставая.

Но для того, чтобы зарабатывать деньги литературным трудом, необходимо как минимум печататься. А сделать это в Париже без соответствующих рекомендаций было довольно сложно. Но Авроре повезло. Ее рекомендовали писателю Анри де Латушу. И хотя Латуш весьма скептически отнесся к роману «Эме», который Аврора ему прочла, тем не менее он предложил ей работу в редакции возглавляемой им сатирической газеты «Фигаро». А вскоре благодаря стараниям Авроры состоялся первый литературный дебют и маленького Жюля. Свои статьи влюбленные подписывали: Ж. Сандо.

Но любовники не ограничились газетными статьями. Они поставили перед собой более серьезную задачу: Аврора и Жюль приступили к работе над большим романом «Роз и Бланш», за который парижский издатель Рено назначил им гонорар сто двадцать пять франков за каждый принятый им том, а через три месяца – пятьсот франков. Наконец в декабре 1831 года роман увидел свет. Читатели и критики встретили его хорошо.

Ободренная успехом, Аврора приступила ко второму роману. Но на этот раз она работала одна, без своего молодого любовника. И хотя ей приходилось часто метаться между Ноаном и Парижем, весной Аврора появилась на набережной Сен-Мишель, куда привезла не только свою дочку Соланж, но и свой новый роман «Индиана».

Когда Сандо прочитал рукопись своей возлюбленной, его охватил восторг, удивление и легкое чувство неловкости. И, как подобает порядочному человеку, он не стал подписываться под произведением, над которым не работал. Но и выступить под фамилией Дюдеван Аврора не могла: ее свекровь и муж воспротивились этому. Мать, скорее всего, тоже не захотела бы, чтобы Аврора подписывалась Дюпен.

В конце концов, был найден компромисс: она решила оставить фамилию Санд, но изменить имя. Так появился писатель Жорж Санд. И с этого момента она ставила в мужском роде все прилагательные, которые к ней относились.

Тайные страсти Эдуарда Мане

Свежее лицо, обрамленное пышными, соломенного цвета волосами, голубые, словно незабудки, глазки, полные щечки, тонкие быстрые пальчики проворно носились по клавишам фортепиано – так выглядела Сюзанна Ленхоф в свои неполные двадцать лет.

Она жила благодаря урокам музыки, поэтому и появлялась в определенное время в доме на улице Пти-Огюстэн обучать братьев Мане музыке. А спустя какое-то время юный Эдуард неожиданно влюбился в Сюзанну. И у нее вспыхнули те же чувства. В перерывах между уроками Мане торопился на свидание с любимой, которая снимала небольшую квартиру на улице Фонтэн-о-Руа.

И вот однажды Сюзанна сообщила Эдуарду, что беременна. Мане шокирован и не знает, что ему делать в этой ситуации. Расстаться с девушкой? Ни в коем случае. Ведь он любит Сюзанну. Жениться? Но Мане хорошо понимает, что отец никогда не согласится, чтобы его снохой стала простая учительница музыки, к тому же нищая.

Двадцатилетний Эдуард, чтобы выиграть время и найти хоть какой-то выход из создавшейся ситуации, начинает хитрить. Но ничего не меняется, и в конце концов осенью он все рассказывает матери.

Видимо, мать и посоветовала сыну в данный момент отцу ничего не говорить, а выждать время. Она предположила, что, когда Эдуард добьется успеха, будет намного проще склонить отца на брак сына с Сюзанной.

Вскоре из Голландии в Париж приехала мать Сюзанны, получившая телеграмму о том, что ее дочь находится в положении. Она встретила с матерью Эдуарда, а также с ним самим. Во время этих тайных свиданий родительницы влюбленных решили, что необходимо соблюсти ряд условностей: отвести подозрения от отца Эдуарда и позаботиться о сохранении доброго имени Сюзанны...

И вот наконец 29 января 1852 года Сюзанна родила мальчика. Мане дает ему свое имя, а в качестве отца выступает некий Коэлла. Чтобы скрыть все произошедшее от широкой публики, появилась легенда, что появившийся на свет младенец не сын Сюзанны, а ее родной брат. Иначе говоря, юный Эдуард – ребенок ее матери, у которой уже было четверо детей.

С этих пор Эдуард Коэлла становится для всех Эдуардом Ленхофом. Вскоре Сюзанна переезжает в новую квартиру. Теперь именно в ней находится жилье Мане. И в свободное от работы время он спешит к Сюзанне с сыном...

В сентябре 1855 года юный Эдуард получил крещение. Причем Эдуард Мане выступал в качестве крестного отца, Сюзанна – крестной матери. Однако об этом событии никому не сообщалось...

Минуло восемь лет. Мальчик уже достаточно взрослый, но тем не менее своих мать и отца он называет «крестная» и «крестный». В это же время Мане снимает отдельную большую квартиру, куда переезжает Сюзанна с сыном. А вскоре юного Мане отдают на обучение в пансион.

В 1862 году умирает отец Мане. Теперь появилась реальная возможность формализовать отношения Эдуарда и Сюзанны. И как только истекли двенадцать месяцев положенного траура, мать заставляет сына ускорить это дело...

Таким образом, Мане скрывал свою связь с Сюзанной целых тринадцать лет. И вот наконец-то тайна раскрыта: 6 октября братья «молодоженов» собрались на их квартире, чтобы в узком кругу отметить столь важное событие...

Но, как ни странно, Мане даже после этого не признал юного Эдуарда своим сыном. Он по-прежнему распространяет когда-то придуманную легенду, что 12-летнего мальчика зовут Леон Ленхоф и что он – брат Сюзанны...

Мане оказался в затруднительной ситуации. Ему хочется раскрыть многолетнюю тайну, но что-то сдерживает его. А что именно, он уже не знает и сам...

Даже в преддверии смерти, когда сын не отходит от него ни на шаг, Мане молчит. И вероятно, чтобы хоть как-то покаяться перед сыном, отец составляет следующее завещание: «Я назначаю Сюзанну Ленхоф, свою законную жену, моей единственной наследницей. Она завещает все, что я ей оставил, Леону Коэлла, он же Ленхоф, который окружил меня самой преданной заботой. И я полагаю, что братья мои найдут это распоряжение вполне естественным».

И будто по иронии судьбы скончался Мане на руках у своего сына Эдуарда, которого не признал официально.

И эта вечная любовь

Александр Блок умирал тяжело и страшно. И не только его физическое угасание было ужасным: что поделаешь, смерть чаще всего внешнему виду человека не придает особого величия и прелести. Хуже было то, что и в его внутреннем мире произошла видимая перемена, в которой явно просматривались признаки не просто предсмертной истерии, а наступающего безумия. Казалось, в мозгу этого человека внезапно появился некий всеразрушающий злой гений, который с каждым часом все больше и больше подчинял себе личность великого поэта, пытаясь до основания уничтожить ее остов.

Он стал до неузнаваемости раздражительным. Вспышки гнева нередко заканчивались швырянием в стену пузырьков с лекарствами, вещей, посуды... В последнее время Блок разрешал находиться рядом с ним лишь жене. И Любовь Дмитриевна до последнего вздоха поэта оставалась подле него...

Первая встреча 14-летнего Блока и 13-летней дочери знаменитого химика Д.И. Менделеева состоялась в Боблове – имении ученого. Тогда ничего особенного между молодыми людьми не произошло. Хотя барышня с голубыми глазами, безусловно, запала в сердце молодого поэта.

А летом следующего года Александр прискакал в Боблово на белом коне. И, словно сказочного принца, Люба встретила его в розовом платье. Но это была всего лишь прелюдия к тому страстному, насыщенному драматическими сюжетами роману, в котором им обоим суждено было в будущем стать главными героями...

А той точкой, от которой протянулись любовные нити в отношениях Блока с Любовью Менделеевой, явилась постановка летом 1898 года «Гамлета»: Люба в нем исполняла роль Офелии, Александр – принца Датского.

Именно в то лето Блок вдруг осознал, что безумно влюблен. И эта любовь с первых ее мгновений стала не просто неземной, а обрела некий мистический флер. Иначе говоря, в юной девушке из плоти и крови он увидел нечто сверхъестественное – «Таинственную Деву», «Душу Мира».

Однако Любу такое отношение к себе явно не устраивало, а даже порой тяготило. Бесконечные прогулки по зимнему Петербургу, загадочные встречи в Казанском и Исаакиевском соборах, чтение стихов, заумная философия – все это настораживало Любу. Она, молодая, здоровая девушка жаждала не возвышенных слов, а страстной земной любви. И, не найдя ее, в какой-то момент решила разорвать отношения с Блоком.

Но Александр проявил невероятную настойчивость. Он поразил ее страстными, на грани безумства, письмами, в которых умолял не уходить от него. И Люба сдалась: в ночь с 7 на 8 ноября 1902 года, после бала в Дворянском собрании, Блок получил наконец согласие на брак.

Но это решение Менделеевой не остудило неземной пожар в душе Блока. Он по-прежнему лепил из нее образ «Неземной Девы». В конце концов Любовь Дмитриевна стала относиться к его мистической восторженности с явным безразличием. Она с горечью писала: «Одни песни... Вы меня, живого человека, с живой душой, не заметили, проглядели». Ее растущее раздражение порой взрывалось гневом: «Мне стыдно вспоминать этого фата с рыбьим темпераментом и глазами...» А он-то полагает, что его избраннице чуждо все «земное». Она же, разочарованная, оскорбленная, только и ждала именно этого «земного», плотского, осязаемого. Ждала и устала ждать: «Никогда не заблудились мы с ним в цветущих кустах».

Блок же по-прежнему убеждал молодую страстную женщину, что физическая близость им не нужна. Ему почему-то казалось, что Великой Любви чужда любовь земная. И поэтому на протяжении многих месяцев их брак оставался чисто формальным.

Безусловно, жизнь с таким мужем все более надоедала Любе, и она стала искать выход для своей страстной энергии в необузданном флирте. В конце концов в ее жизни появился новый герой – Андрей Белый (Борис Бугаев), тоже поклонявшийся, подобно Блоку, «Вечной Жене».

И вместо того, чтобы оттолкнуть Белого, она проявила слабость. В ответ на письмо Андрея, в котором он признавался в вечной любви к ней, она написала: «Я рада, что Вы меня любите; когда читала Ваше письмо, было так тепло и серьезно. Любите меня – это хорошо, это одно я могу Вам сказать теперь (...) я не покину Вас, часто буду думать о Вас...» Это случилось в мае 1905 года. А в августе она уже писала: «Я Вас не забываю и очень хочу, чтобы Вы приехали этой осенью в Петербург»...

Но и Блок тоже не вел жизнь монаха. В это время у поэта начался роман с очаровательной Натальей Николаевной Волоховой – актрисой театра Комиссаржевской. С этой симпатичной барышней Блок познакомился зимой 1906/07 года на одном из петербургских балов. «Волохова была тонкая, бледная, с черными, дикими и какими-то мучительными глазами, с худыми руками, с поджатыми крепко губами, с осиной талией; черноволосая, сдержанная; во всем черном...» – писал о ней в своих воспоминаниях Андрей Белый.

«И еще поразительна была улыбка, сверкавшая белизной зубов, какая-то торжествующая, победоносная улыбка. Кто-то сказал тогда, что ее глаза и улыбка, вспыхнув, рассекают тьму. Другие говорили: “раскольничья богородица”. Но странно: все это сияние длилось до тех пор, пока продолжалось увлечение поэта. Он отошел, и она сразу потухла. Таинственный блеск угас – осталась только хорошенькая брюнетка», – а это уже впечатления от красоты Волоховой тетки поэта – М.А. Бекетовой.

Кстати, именно Наталье Николаевне поэт посвятил цикл стихов «Снежная маска», написанный им в течение двух январских недель. Причем первое издание цикла, появившееся в печати в апреле 1907 года, он предварил следующими словами, за которыми легко угадывалась та, которой посвящались эти стихи: «Посвящаю эти стихи Тебе, высокая женщина в черном, с глазами крылатыми и влюбленными в огни и мглу моего снежного города».

Казалось, в семейной жизни Блоков наступила катастрофа. Но в жизни порой, помимо неурядиц, существуют и приятные моменты. Блок расстался с Волоховой, успокоилась и Любовь Дмитриевна. Они обмениваются письмами. Их по-прежнему тянет друг к другу. Однако восстановить то, что было между ними раньше, оказалось непросто.

«Безумно тебя люблю и тоскую о тебе, – пишет Любовь Дмитриевна. А затем, будто издеваясь: – Есть у меня флирт с милым мальчиком. Но я целуюсь с ним». И еще: «Милый, прости мне мою опущенность... Конечно, вспоминаю я о тебе, милый, но творится со мной странное...» Этим мальчиком был молодой актер Константин Давидовский, за которым Любовь Дмитриевна последовала в Житомир, где жила его мать.

Блок на это послание супруги отреагировал следующей записью в дневнике: «Ответом на мои никогда не прекращавшиеся преступления были: сначала А. Белый, потом Г.Г. Чулков и какая-то совсем мелочь. А... потом – хулиган из Тмутаракани, – актеришка... теперь – не знаю кто». Возможно, и эта причина сыграла немалую роль в том, что, когда Любовь Дмитриевна возвратилась домой, Блок не только простил ее, но и принял ее маленького ребенка...

«За месяц до смерти рассудок больного начал омрачаться. Это выражалось в крайней раздражительности, удрученно-апатичном состоянии и неполном сознании действительности. Бывали моменты просветления, после которых опять наступало прежнее. Доктор Пекелис приписывал эти явления, между прочим, отеку мозга, связанному с болезнью сердца. Психостения усиливалась и, наконец, приняла резкие формы. Последние две недели были самые острые. Лекарства уже не помогали, они только притупляли боль и облегчали одышку. Процесс воспаления шел безостановочно и быстро. Слабость достигла крайних пределов... Ал. Ал. жестоко страдал до последней минуты...» (Бекетова М.А.). Скончался Блок в 10 часов утра в воскресенье 7 августа 1921 года в присутствии матери и жены.

Три любви Чарльза Диккенса

В девятнадцать лет Чарльз Диккенс влюбился в Марию Биднелл. Ее отцом был богатый лондонский банкир, принадлежавший к состоятельной элите, и бедный молодой человек, навещавший дочь, особо его не радовал. В конце концов и Мария поняла, что Диккенс – не та партия, которая ей нужна.

«Воображение, фантазия, страсть, энергия, воля к победе, твердость духа – все, чем я богат, – для меня неразрывно и навсегда связано с жестокосердной маленькой женщиной, за которую я тысячу раз был готов – и притом с величайшей радостью – отдать жизнь», – так писал Диккенс о своей первой любви.

Но после отказа Марии Чарльз не стал, подобно гетевскому «юному Вертеру», долго страдать, а нашел утешение в другой любви: к Кэт Хогарт – дочери владельца издательства, на которой он вскоре и женился. Любопытно, что по настоянию Чарльза, который будто предчувствовал свое будущее, в брачный контракт был внесен пункт о том, что если один из них полюбит кого-то другого, то поставит об этом в известность своего супруга...

И действительно, Кэт не стала последней любовью Диккенса. Он активно печатался, получил широкую известность, его приглашали на различные мероприятия, им восхищались, его превозносили. Кэт же, родив мальчика, занималась домашними делами и при этом болела...

И вскоре новая женщина заняла место в пылком сердце писателя. Но ею, как это ни странно, стала не актриса, а младшая сестра Кэт – шестнадцатилетняя Мэри.

Теперь они везде появлялись вдвоем: в театре, на выставках, на официальных приемах. Кэт, несомненно, обратила внимание на особые отношения ее мужа и сестры, но, будучи умной и воспитанной женщиной, ни разу не упрекнула Чарльза в его неподобающем поведении.

Мэри умерла внезапно. Чарльз присутствовал вечером с ней в театре, и домой они возвратились в прекрасном настроении. Но когда она отправилась спать, ей неожиданно стало плохо. А уже утром следующего дня ее не стало: у Мэри был серьезный порок сердца.

В «Лавке древностей» есть обворожительная Нелл. Это – Мэри. И это о ней Диккенс писал: «Я торжественно заявляю, что столь совершенного создания никогда не видел свет. Мне были открыты сокровенные тайны ее души, я был способен оценить ее по достоинству. В ней не было ни одного недостатка»...

А в «Альманахе Бентли» в этот месяц не появились новые главы «Пиквика» и «Оливера Твиста». Читателям же было объявлено, что знаменитый автор оплакивает кончину юной родственницы, «чье общество давно уже служило ему главным источником отдохновения после трудов»...

Как и большая часть талантливых писателей, Диккенс был в немалой степени самовлюбленным эгоистом. Это касалось и его супруги Кэт. И хотя особыми талантами она не блистала, зато была великолепной хозяйкой и матерью, родившей ему десятерых детей. Однако жить в полной гармонии с мужем у нее не получалось.

Дело в том, что, становясь все более известным писателем, Диккенс одновременно стал ощущать потребность устроить внешнюю сторону своей жизни максимально комфортно. Он устраивал у себя вечера, на которых собирались известные деятели искусства, а также немало красивых женщин.

Большинство этих людей не особенно нравились Кэт, к тому же она не умела соответствующим образом принимать гостей. И помогала ей в этом ее старшая сестра – Джорджина. И делала она не потому, что ей хотелось этого, а лишь для того, чтобы скрыть неспособность сестры принять гостей. А также по той причине, что по своему характеру она была яркой и

общительной женщиной. Но такое поведение Джорджины не особенно нравилось Кэт, которая стала смотреть на сестру с подозрением.

В этом, конечно же, была вина и самого Диккенса, который нередко в присутствии жены расхваливал ее сестру, представляя ее чуть ли не идеалом женственности. Другьям он тоже порой жаловался, что Кэт создана не для него. И эти заявления Чарльза не могли пройти мимо ушей супруги. Ситуация все более накалялась, пока однажды не завершилась разводом. И это после двадцати лет совместной жизни.

А ее место в доме и сердце Диккенса заняла Джорджина. Конечно, в высшем свете хватало разговоров по этому случаю. Особенно же доставалось знаменитому писателю. Он, естественно, старался все отрицать. Но скрыть явное было невозможно...

Анна и ее любовники

Николай Гумилев – первый муж Анны Ахматовой – увидел ее 24 декабря 1903 года. В то время ей было всего четырнадцать лет. Она шла с подружкой за покупкой украшений для рождественской елки. И Николай, как только увидел Анну, был очарован ее легкой, как снежинка, неземной хрупкостью... А затем целых семь лет страдал от безответной любви к очаровавшей его даме. Нет-нет, Анна вовсе не оттолкнула его, а просто дразнила, то приближаясь к нему, то – отдаляясь.

И любой ее отказ вырастал для Гумилева до масштабов полной жизненной катастрофы. И даже несколько раз, отчаявшись, пытался покончить с собой. Причем в том же Париже, куда он уехал, чтобы не только продолжить обучение, но прежде всего от навязчивых мыслей об Анне...

Когда Анна в очередной раз отказала Гумилеву, он, совсем пав духом, отравился. И уехал умирать в Булонский лес. И только через сутки его обнаружили без сознания в глубоком рву. Узнав от брата об этом поступке Гумилева, Анна прислала ему сочувственную телеграмму. А позже была еще попытка утопиться в море. И дуэль с Волошиным, когда Николай позволил стрелять в себя. Сам же, после того как противник промахнулся, выстрелил в воздух.

А спустя всего четыре дня после дуэли в Киеве прошел поэтический «Вечер символистов», где присутствовал и Гумилев. Здесь он и встретил Ахматову. А после окончания вечера они вдвоем отправились в гостиницу, где остановился Гумилев, пить кофе. И там же, поддавшись какому-то необъяснимому чувственному порыву, дала согласие на брак. Три дня Гумилев был с Анной, а на четвертый уехал в Одессу, а оттуда пароходом в Африку. Но 25 апреля они обвенчались и уехали в Париж...

Однако семейная жизнь с Гумилевым не сложилась. Анна разуверилась в любви Гумилева, который немало выстрадал, чтобы стать ее мужем. Объяснить этот факт почти невозможно. Да и вряд ли стоит. Ведь причин для расставания так же много, как и для любви. Особенно у поэтических натур...

После развода с Гумилевым в 1918 году Анна Ахматова вышла замуж за историка-востоковеда и переводчика с древнейших языков Владимира Шилейко. Начало их браку положила бурная и яркая страсть. Видимо, такую эротически сильную и одновременно полную вдохновения Ахматова испытывала впервые. Однако в самом апогее любовных отношений Анна неожиданно рассталась с мужем. Впрочем, вовсе не неожиданно. А потому, что покорной, как Шилейко желал, она быть не могла да и не желала...

Очередным, уже третьим мужем Ахматовой стал профессор истории и известный искусствовед Николай Пунин. Он был интересной и яркой личностью: красивый, остроумный, глубоко чувствовавший искусство.

Поселились они в квартире Пунина, где проживала и его прежняя семья – жена с дочерью. Так открылась новая страница ее жизни, где страстная любовь соседствовала с постоянными разговорами о живописи и архитектуре, о Пушкине и Рубенсе...

В этом мире, заполненном поэзией и искусством, рядом с любимым человеком ей, конечно же, было очень комфортно. Ведь и Ахматова, и Пунин были частью Серебряного века, эпохи невиданного подъема русской культуры...

Но Ахматова снова разошлась. Ей все виделось и «ложь предавших губ», и этот «мертвый холод глаз», и жестокость, и грубость мира, и бесконечно долгое одиночество вдвоем...

Но вот в середине 1930-х годов поэтесса, расставшись с Пуниным, встретила ученого-медика Владимира Гаршина. И жизнь опять «стала бить во все колокола». И длилось это счастье чуть ли не десять лет. Когда же грянула война, Гаршин, будучи врачом, остался в оса-

жденном Ленинграде, а Анна Андреевна была эвакуирована в Ташкент. Но они продолжали поддерживать связь: постоянно писали друг другу теплые письма.

А весной 1944 года в составе делегации реэвакуированных писателей Ахматова прилетела в Москву. В начале же лета, жизнерадостная и даже помолодевшая, отправилась в родной Ленинград, где ее должен был встречать профессор Гаршин, накануне предложивший ей стать его женой.

...Поезд неторопливо подходил к перрону. Ахматова вышла из вагона и невдалеке заметила одетого во все черное мужчину. Это был Гаршин. Но, несмотря на долгую разлуку, он не обнял ее, а лишь поцеловал руку и глухим голосом произнес: «Аня, нам надо поговорить». Около получаса они ходили по перрону... Затем Гаршин опять поцеловал ей руку. И ушел, быстро, как метеор, и навсегда...

Анна Андреевна догадалась, что Гаршин вычеркнул ее из своей жизни. И об этом она не любила говорить. И не простила его выходку. В 1950-е годы, после инсульта, Гаршин просил у Ахматовой прощения. Но Анна ничего ему не ответила...

Ах, эта первая любовь...

Эдгар По познакомился с Эльмирой Ройстер осенью 1823 года, во время посещения одного из салонов города Ричмонда, где «золотая» молодежь любила проводить свое свободное время.

Вскоре между ними завязалась дружба, которая со временем переросла в чистую и трепетную любовь. Эдгар, с его романтическим устройством души, уже не мог быть долго один, и поэтому стал частым гостем в доме возлюбленной. Приходил он обычно к вечеру и проводил долгие часы в гостиной с Эльмирой. Она играла на пианино, и под его аккомпанемент они пели дуэтом – у Эдгара был звонкий юношеский голос. Иногда он брал в руки флейту, инструмент, которым владел весьма искусно.

Конечно же, в долгие вечера они не только музицировали и пели дуэтом. Они часто говорили о книгах и поэзии, и, может быть, по обычаю тех дней он оставил в ее альбоме несколько стихотворных строчек. Этого факта история не запечатлела. Зато она сохранила портрет самой Эльмиры Ройстер, нарисованный рукой Эдгара По.

В один из таких вечеров между ними произошло решающее объяснение, и, когда Эдгар в марте 1826 года уезжал в Виргинский университет, он увозил с собой обещание Эльмиры стать его женой – обещание, которое было сохранено в тайне от всех. Вероятно, потому, что обе семьи не одобряли их отношений.

Позднее Эльмира в своих воспоминаниях описала По как застенчивого, но очень симпатичного молодого человека, с большими темно-серыми глазами на бледном одухотворенном лице.

Перед самым отъездом Эдгар со слугой передал прощальное письмо своей тайной невесте. И этой записке суждено было стать последней весточкой, полученной ею от влюбленного поэта. Вместе с письмом он послал ей перламутровую шкатулку с ее инициалами, в которых, правда, гравером была допущена ошибка.

В 1849 году они снова встретились. Этому событию предшествовала цепь ужасных обстоятельств, главным героем которых оказался Эдгар По.

Июльским днем того же года в кабинет филладельфийца Джона Сартейна, владельца журнала «Сартейнс мэгэзин», внезапно ворвался трясущийся от страха человек с растрепанными волосами, который умолял защитить его от злодеев, сговорившихся его погубить. Лишь с большим трудом в нем можно было узнать великого поэта, преследуемого галлюцинациями. Сартейн, старый его друг, отвел По к себе домой, где тот потребовал бритву, чтобы сбрить усы и, таким образом, сделаться неузнаваемым для воображаемых преследователей. Сартейну стоило немалых усилий уложить его в постель, у которой он провел всю ночь, боясь оставить По одного. Эдгар к тому же твердил, что нуждается в защите. В таких волнениях прошел и следующий день.

А к вечеру По ушел из дому и, пробродив несколько часов по улицам Филадельфии, оказался за городом и заночевал в поле. Где он пропадал эти дни и что с ним творилось, неизвестно. Единственное, что он помнил, – облаченную в белое фигуру, которая предостерегала его от самоубийства. Кончились блуждания Эдгара тем, что его арестовали и препроводили в тюрьму, где он провел ночь.

Здесь ему снова привиделась женщина в белом, которая повторила свои предостережения.

Когда По немного поправился, друзья купили ему билет, снабдили небольшой суммой денег и в пятницу 13 июля 1849 года отправили в Ричмонд, куда он прибыл в ночь на четыр-

надцатое. Повинуясь какой-то внутренней силе, он отправился к старым знакомым Макензи. Правда, у них он оставался недолго и, спустя несколько дней, переселился в гостиницу.

Дабы не скомпрометировать себя в глазах земляков, в родном городе По вел себя осмотрительно, особенно с женщинами. Все эти дни средоточием его мыслей была Эльмира, теперь миссис Шелтон. Несколько лет назад она овдовела. К тому времени миссис Шелтон превратилась в довольно привлекательную женщину средних лет, хорошо владеющую собой и весьма набожную.

Вскоре по приезде в Ричмонд По нанес ей визит. Когда слуга доложил, что ее хочет видеть какой-то джентльмен, миссис Шелтон спустилась вниз. Увидя ее, По стремительно поднялся и произнес в сильном волнении: «О, Эльмира, это вы!» Миссис Шелтон сразу его узнала и встретила очень приветливо. Однако продолжала собираться в церковь, сказав, что никогда не пропускает служб, и пригласила По зайти позже.

Он не преминул этим воспользоваться. Они долго предавались воспоминаниям о днях минувших, прежде чем Эдгар спросил Эльмиру, согласна ли она выполнить обещание, данное ею двадцать четыре года назад. Сначала она подумала, что это не более чем романтическая шутка. Но По проявил должную настойчивость и смог убедить ее в серьезности своих намерений.

Какие аргументы использовал писатель, неизвестно. Но тем не менее уже к концу июля между миссис Шелтон и ее старинным другом было достигнуто, как она позднее выразилась, «взаимопонимание». Скорее всего, с возвращением По в ее душе со всей силой ожила память об их давнишних отношениях, и вместе с Эдгаром к ней вернулась сама молодость. Она словно сделала глоток из живительного источника далекой и прекрасной юношеской любви.

Несомненно, воскресшая первая любовь не строилась лишь на чувственности. В ней со стороны По немалую роль сыграл и обычный расчет. Например, Эльмира могла сделать его жизнь более устойчивой: предоставить дом, укрепить общественное положение...

Их часто видели вместе в церкви, и кругом уже говорили о скорой помолвке, когда в начале августа между ними вдруг возникла некая холодность, чуть было не приведшая к разрыву. Возможно, поводом для перемен в отношениях послужил следующий случай...

В Ричмонде По продолжал встречаться с друзьями, в кругу которых не мог отказаться от настойчивых угощений. В результате этих чрезмерных возлияний он заболел. Его состояние в этот период было очень опасно. Он выжил лишь благодаря искусству доктора Картера, которому, после долгого разговора, поклялся никогда больше не поддаваться соблазну. По даже вступил в местное Общество сынов трезвости.

У По появилась работа: он стал литературным редактором местной газеты. А к началу сентября вернулось благорасположение миссис Шелтон. А чуть позже состоялась и их помолвка. Жизнь налаживалась. Казалось, злой рок отступил от измученного жизнью писателя.

Вечер 22 сентября По провел у миссис Шелтон. Тогда же они договорились о дате венчания, которое было назначено на 17 октября...

А уже 27 сентября в 4 часа утра Эдгар По взошел на пароход, следовавший до Балтимора. Миссис Шелтон об этой поездке ничего не знала. Она была удивлена и встревожена этим внезапным отъездом Эдгара. А великий писатель в это время приближался к роковой черте, которую судьба начертала ему в Балтиморе.

Тургенев и Полина Виардо

В 1843 году Полине Виардо исполнилось всего 22 года. Но Европа уже восхищена ею. А Берлиоз назвал Полину «одной из величайших артисток прошлой и современной истории музыки».

А природа и впрямь наделила ее и острым умом, артистическим талантом, восхитительным голосом. Однако Полина Виардо в идеал красавицы не вписывалась. Ее сутулая спина, покатые плечи, выпуклые глаза, почти мужские черты лица и небольшой рост – ничего поразительного. Видимо, не зря Генрих Гейне сравнил ее внешность с экзотическим и чудовищным пейзажем...

А вот на сцене певица неожиданно преображалась. Ее глаза становились яркими и выразительными, а большой рот словно был создан лишь для того, чтобы исторгать чарующие звуки. По словам знаменитого французского композитора XIX века К. Сен-Санса, «ее голос, не бархатистый и не кристально-чистый, но скорее горький, как померанец, был создан для трагедий, элегических поэм, ораторий»...

Тургенев впервые увидел ее осенью 1843 года на сцене оперного театра в Санкт-Петербурге. Позже на охоте писатель свел знакомство с мужем Полины – известным критиком и искусствоведем Луи Виардо. А 1 ноября 1843 года его представили и самой певице.

Вспоминая в конце жизни о первом дне знакомства с Тургеневым, Виардо говорила: «Мне его представили со словами: это – молодой русский помещик, славный охотник и плохой поэт».

Самого же Тургенева Виардо чуть ли не свела с ума. Вот что об этом вспоминала писательница А.Я. Панаева: «Такого другого крикливого влюбленного, как Тургенев, я думаю, трудно было найти. Он громогласно всюду и всех оповещал о своей любви к Виардо, а в кружке своих приятелей ни о ком другом не говорил, как о Виардо, с которой он познакомился. Я помню, раз вечером Тургенев, явившись к нам в каком-то экстазе, рассказывал: “Господа, я так счастлив сегодня, что не может быть на свете другого человека счастливее меня”».

Тем не менее в то время среди своих многочисленных поклонников она Тургенева не выделила. Но когда ее гастроли в Санкт-Петербурге Иван Сергеевич вместе с семейством Виардо отправился в Париж. Причем вопреки воле матери, без денег и еще абсолютно неизвестный в Европе.

В ноябре 1845 года Иван Сергеевич возвратился в Россию. Но в январе 1847 года, когда ему стало известно о гастролях Виардо в Германии, он сначала уехал в Берлин, затем направился в Лондон, совершил турне по Франции и опять вернулся в Россию.

Он метался по Европе за Виардо, словно тень: «Ах, мои чувства к вам слишком велики и могучи. Я не могу жить вдали от вас, я должен чувствовать вашу близость, наслаждаться ею; день, когда мне не светили ваши глаза, – день потерянный».

Существуют попытки представить любовь Тургенева исключительно платонической. Но некоторые из его писем свидетельствуют об обратном: «Здравствуй, моя любимая, самая лучшая, самая дорогая моя женщина... Родной ангел... Единственная и самая любимая...»

Когда Тургенев появлялся во Франции, он обычно останавливался в имении Виардо. Муж, который был старше Полины на 21 год, казалось, ничего не замечал, рассчитывая на ее порядочность, поскольку Виардо слыла умной женщиной.

Постепенно Виардо стала для Тургенева не просто возлюбленной, но и его исповедником, которому он рассказывал все о своей семье. И уже больше Тургенев никогда не чувствовал такой невероятной близости с любимой женщиной...

В 1852–1853 годах Иван Сергеевич проживал в своем имении в Спасском под присмотром местной полиции. И при этом он был лишен права посещения столицы. А причиной

высылки стал некролог, посвященный Гоголю, в котором правящие круги увидели угрозу спокойствию в Российской империи.

И вдруг Тургенев узнает, что в марте 1853 года Виардо приезжает на гастроли в Россию. Эта новость ошеломила писателя. Все дела, и в первую очередь творчество, а также постоянный надзор полиции, свою ссылку Тургенев отодвинул на последнее место. И решил во что бы то ни стало встретиться с Полиной...

Для этого он приобрел фальшивый паспорт, переделся мещанином и отправился в Москву, где пробыл почти полмесяца. Риск невероятный, но он оказался неоправданным. Певица явно потеряла к нему интерес. Прошедшие годы разлуки превратили ее любовь в обычную дружбу. Но Тургенев все равно продолжает писать Полине, хотя и не получает ответов на свои послания...

Чтобы отвлечься от неурядиц личной жизни, весной 1854 года Тургенев стал частым гостем у своего кузена – Александра Тургенева. И именно здесь он и познакомился с его восемнадцатилетней дочерью Ольгой. Очарованный ее грацией и юной свежестью, писатель даже не пытается скрывать своего восхищения.

Они стали часто встречаться у ее родителей на даче в Петергофе. И, судя по поведению девушки, она в Тургенева влюбилась. Порой у писателя появляется мысль о женитьбе, которая в то же время и пугает его.

И в тот период, когда раздвоение в душе и мыслях стало невыносимым, Иван Сергеевич решил разорвать с Ольгой всякие отношения. В одном из последних писем к ней он не оправдывается, а признается, что беспокоит разница в возрасте и та ответственность, которую он не в силах взять на себя. Ольга с трудом пережила этот внезапный разрыв, а для писателя она стала прототипом Татьяны – героини его романа «Дым»...

А некоторое время спустя Тургенев познакомился с сестрой Льва Николаевича Толстого – Марией. И был ею пленен.

И уже в ноябре 1854 года в письме к Анненкову он восторженно пишет: «Она очаровательна, умна, проста, я смотрел на нее, не отрывая глаз. На старости лет (четыре дня назад мне исполнилось 36) я едва не влюбился. Не буду скрывать от вас, что поражен в самое сердце». Однако это чувство осталось исключительно платоническим. Но образ миловидной Верочки в рассказе «Фауст» написан под влиянием обаятельной Марии Толстой...

Из всех этих метаний можно сделать вывод, что Тургенев стремился вытравить из своего сердца властвовавшую в нем Виардо. Кстати, это состояние Ивана Сергеевича почувствовала и Мария Толстая, после смерти Тургенева написавшая: «Если бы он не был в жизни однолюбом и так горячо не любил Полину Виардо, мы могли бы быть счастливы с ним, и я не была бы монахиней, но мы расстались с ним по воле Бога...» В конце концов, мучимый неугасимой любовью к Полине Виардо, Тургенев решает в 1856 году отправиться во Францию...

Их встреча была настолько трогательной и горячей, что у Полины спустя положенное для таких случаев время родился сын Поль. Впрочем, вопрос об отцовстве до сих пор остается открытым, поскольку в то время у Виардо был любовник – художник Ари Шеффер, работавший над ее портретом. Однако многие исследователи творчества писателя считают, что Поль – все-таки сын Тургенева. Да и потомки рода Виардо полагают то же самое. Вероятно, для этого имеются основания.

Тургеневу стало казаться, что это событие сблизит его с Полиной. Но она, поглощенная материнством, забыла о своих поклонниках. К тому же у нее возникла довольно серьезная проблема: у нее стал слабеть голос, и она уже все реже выходила на сцену. Но она, несмотря на эту проблему, продолжает жить активной жизнью: дает уроки пения, поддерживает связь со знаменитостями...

А писатель продолжает метаться между Россией и Францией. С родиной его связывали обязательства, а с Францией – чувства, необходимые для творчества. И он создает великолепные «Вешние воды», «Дым», «Новь». Так он и живет, раздваиваясь между долгом и любовью.

В 1879 году обстоятельства вынуждают Тургенева уехать в Россию: у него умер брат. Россия встретила писателя восторженно, в театре стали устраивать чтения его пьес. И он лично участвует в них, сопровождаемый молодой актрисой Марией Савиной. И опять, несмотря на свои 62 года, оказывается в плену молодости и женственности. Между ними завязывается трогательная переписка, они мечтают о совместном путешествии в Италию. В 1882 году она прибыла в Париж.

И когда она увидела дом Виардо и Тургенева в «чужом гнезде», одновременно и жалость и ревность. И не могла понять его. Да и сам Тургенев себя не понимал, а нередко – и ненавидел, но ничего не мог поделать. И вновь и вновь возвращался к Полине, рядом с которой находил душевный покой и умирание. Да, он смог «свить гнездо». И судьба подарила ему идеальную, страстную и неподвластную разуму любовь.

Роман с Галиной

Во время первой встречи Галины Кузнецовой и Ивана Бунина, ей было 26 лет, ему – 55. А впервые они увиделись во французском курортном городке Жун-ле-Пэне, на берегу моря, в тот очаровательный миг, когда солнце неторопливо опускалось за горизонт, озаряя бескрайний небосвод багровым пламенем заката. В тот момент, когда Бунин выбрался из воды, он и увидел приближавшуюся к нему парочку – историка литературы Модеста Гофмана и невысокую, слегка полноватую женщину, которой он раньше не встречал.

Бросив взгляд на большие манящие глаза Галины, писателя вдруг охватило то необычное и восторженное волнение, которое часто перерастает в большой любовный роман. И в первые мгновения, замороженный ею, он даже не смог придумать фразу, которая бы соответствовала моменту.

Однако она, не обращая внимания на его растерянность, протянула тонкую изящную кисть, представившись Кузнецовой Галиной Николаевной. «Поэтесса», – добавил ее спутник. А Бунин, испытывая невероятное душевное волнение, задержав ее кисть в своей руке, почувствовал, как едва заметный трепет колыхнул незримые чувственные струны его души.

А вскоре Гофман ушел по своим делам, оставив их вдвоем на берегу моря. Побродив некоторое время, они решили через час увидеться в местном ресторанчике...

Эта встреча стала тем скрепляющим человеческие сердца элементом, который удерживает людей вместе, находя причины не расставаться ни на миг. И действительно, позже они почти не расставались, дни напролет пропададая на пляже.

Муж Галины, привыкший к ее самостоятельности, первое время почти не обращал внимания на дружбу жены с Буниным. Но когда увидел, что она приходит домой лишь для того, чтобы переодеться и переночевать, то попытался ее образумить. Однако она на его увещевания почти не реагировала. Более того, когда пришло время уезжать, Галина чуть ли не открыто заявила своему Модесту о своих отношениях с Буниным, и муж уехал один.

Несомненно, своего романа с Буниным, а также разрыва с мужем утаить не удалось, и вскоре об этом заговорили в обществе. Супруга Ивана Алексеевича – Вера Николаевна, конечно же, не оставалась сторонней наблюдательницей отношений мужа и Кузнецовой. Она в это время просто сходила с ума и жаловалась своим знакомым на измену мужа.

Однако Кузнецова полагала, что их отношения с Буниным развивались намного медленнее, чем того хотелось ей. А свои любовные проблемы она доверяла дневнику, в котором с горечью писала: «Я ушла охлажденная, разочарованная... Объятия, поцелуи – и все!»

Сложно предполагать, как развивались бы события дальше, но произошло событие, которое можно назвать чудом. А дело в том, что Иван Алексеевич смог убедить жену, что между ним и Галиной, кроме отношений учителя и ученицы, ничего больше нет. И Вера Николаевна поверила. А возможно, она лишь притворилась, чтобы сохранить семью.

А в мае 1927 года Галина Кузнецова переехала в дом писателя и стала «членом его семьи». При этом она, на удивление всем, весьма хорошо вошла в роль приемной дочери и в присутствии посторонних относилась к Вере Николаевне не только с почтением, но и с нежностью.

А Вера Николаевна и особенно Бунин относились к ней как к дочери и постоянно беспокоили мелочной опекой: «Застегните пальто, Галя. Не идите так быстро, устанете!» Она же их внимательно слушала и улыбалась...

Более того, что у него с «ученицей» чисто платонические отношения, какое-то время Бунин верил и сам и почти три года сдерживал себя. Но чувства победили... И потом в течение более пятнадцати лет с короткими перерывами продолжался этот необычный роман, пока не распался по инициативе Кузнецовой.

Жены Хемингуэя

В 1921 году молодой журналист Эрнест Хемингуэй и его рыжеволосая супруга Элизабет Ричардсон (или просто Хэш) оказались в Париже. Несмотря на то что Хэш была на восемь лет старше Эрнеста, их связывало настолько крепкое и теплое чувство, что французская писательница Коллет не без зависти заявила, что «оба умрут в один день: настолько они патриархально, по-детски, невозможно счастливы!».

Они, жившие в трущобе на мизерные и нерегулярные журналистские заработки Эрнеста, все равно казались счастливыми и невинными детьми в мире парижской богемы, пропитанной самыми разными пороками.

Но особенно им было хорошо, когда они оказывались за городом или уезжали в пасхальные каникулы на юг Франции. В это время пляжи Лазурного Берега пустели, и Хэм и Хэш валялись на золотом песке совершенно голые, предаваясь любви в «ванне» из разогретого солнцем песка. Они чувствовали себя первобытными людьми, изгнанными из рая Адамом и Евой. И, видимо, опьяненные свободой и солнцем, они называли своего сына Бэмби, так же как одного из героев рассказов Киплинга.

Но появление сына, помимо радости, привело к появлению серьезной дыры в бюджете молодой семьи. Эрнесту теперь приходилось не только работать с утроенной энергией, но и посвящать часть времени воспитанию ребенка. И Эрнест стал со временем тяготиться семейными узами, жизнь с Хэш потеряла очарование. Образ вечно погруженной в заботы жены поблек. Сказывалась и разница в возрасте. Хэш мечтала о доме, семейном уюте, Хэма же тянуло в дорогу, в путешествия. Ему до чертиков надоел Париж, душа запросила чего-то острого, экстравагантного, неизведанного.

И вот однажды друзья познакомили Хемингуэя с богатой и молодой особой – Полиной Пфейфер. Это была беззаботная, по-французски изящная женщина, с которой Эрнесту не только удалось очень быстро найти общий язык и оказаться рядом с ней в постели, но и стать ее мужем.

Новые брачные узы писателя затянулись всего на несколько лет. Блистательная Полина на поверку оказалась избалованной, неуступчивой и своенравной дамой. Более того, при всем своем богатстве она оказалась еще и прижимистой. Постепенно Полина превратилась в сухую, надменную даму, которую занимали только деньги и светские удовольствия. И хотя Пфейфер родила ему двоих сыновей, Хемингуэй тем не менее не смог выдержать золоченого семейного ада и сбежал в Африку.

Как почти всякий мужчина за сорок, Хэм все чаще заглядывался на молоденьких девиц. И вот однажды хорошенькая стервозная блондиночка Марта Гельхорн разбила узы второго брака писателя и заключила его в еще более тесные узы брака третьего. Однако очень быстро дала о себе знать разница в возрасте. Но теперь уже не постаревшему Хэму, а его молоденькой супруге хотелось путешествовать и веселиться. Это несоответствие желаний становилось причиной все чаще возникающих конфликтов. Но если Полина была изящна даже во время скандала, то Марта хорошими манерами не отличалась. Впрочем, даже не быт стал причиной развалившегося брака, а... чистота быта: Марта просто маниакально обожала чистоту, что, по мнению одного из психотерапевтов, говорило о ее скрытых садистских наклонностях. Хемингуэй же во время работы устраивал в доме форменный кавардак. И Марта не выдержала...

Таким образом, распался очередной брак Хемингуэя. Однако засидеться в холостяках Эрнесту не позволила голубоглазая блондинка Мэри Уэлш, с которой его связали узы четвертого, последнего брака. Мэри сочетала в себе преданность и домовитость Хэш, элегантность Полины, бойкость Марты. К тому же она искренне и глубоко любила Хемингуэя!

Однако в первые месяцы, казалось бы, счастливая и безмятежная супружеская жизнь неожиданно подверглась жестокому испытанию. Мэри забеременела, но беременность оказалась внематочной. Женщину срочно госпитализировали. Но, к несчастью, как раз в это время в больнице отсутствовал главный хирург, а практиканты не решались подступить к умирающей. Наконец медсестра подошла к Хемингуэю и упавшим голосом сказала:

– Мужайтесь! Это судьба...

– Глупости! Судьбу можно изнасиловать, и тогда она, как и женщина, вам подчинится! – вскричал писатель и ворвался к жене в палату.

Он буквально заставил практикантов делать то, что требовалось делать в подобных случаях. И жизнь Мэри была спасена. Счастье Хемингуэя – тоже.

Женщины Рихарда Вагнера

С самого детства Вагнер не переносил одиночества и очень любил находиться в женской компании. Ему казалось, что женщины понимают и ценят его искусство гораздо выше, чем мужчины. И, конечно же, при таком отношении к прекрасному полу у него было множество любовных связей и до, и после женитьбы. А его любовницами были женщины самого разного возраста и социального положения. Но при этом Вагнер всегда стремился к тому, чтобы женщина была ему безоговорочно предана, но без аналогичных обязательств с его стороны.

Женился композитор в 1836 году на Христиане Вильгельмине (Минне) Планер. Ему было 23 года, а его супруге – 27 лет. Она была ведущей актрисой местного театра, в котором композитор работал дирижером. До этого он в течение двух лет преследовал ее и несколько раз делал ей предложение. Но она отвечала отказом. Семейная жизнь Вагнеров состояла в основном из скандалов и примирений, разбавленных сценами ревности. И длилась эта история целых 25 лет.

В первые годы их совместной жизни Минна стойко выдерживала все тяготы и лишения, связанные в основном с постоянной нехваткой денег или же с полным их отсутствием. К тому же Вагнер был убежден, что жена должна быть счастлива лишь от того факта, что является его женой, и обязана заниматься лишь домом, не обращая внимания на постоянные измены своего мужа.

А в 1847 году композитор попытался убедить 37-летнюю супругу, что она уже слишком стара, чтобы заниматься сексом. И Минна согласилась с его доводами, правда, спустя 11 лет. Ее здоровье к тому времени и впрямь ухудшилось, так как ей стало известно о любовной связи Вагнера и Матильды Везендок.

Следует заметить, что нередко Вагнер соблазнял жен своих друзей или покровителей. Так, в апреле 1848 года Вагнер познакомился с Джесси Лоссот – очаровательной 21-летней англичанкой, муж которой оказал композитору безвозмездную финансовую помощь. Сама же Джесси поразила Вагнера красотой и умом. И влюбленные начали готовиться к переезду в Грецию. Но об этом стало известно мужу Джесси. И, пригрозив Вагнеру, что убьет его, увез жену с собой. Когда же композитор попытался отыскать ее, супруг Джесси, призвав на помощь полицию, заставил его вообще уехать из Франции...

Спустя какое-то время 40-летний Вагнер познакомился с Матильдой Везендок – супругой своего очередного покровителя. Кстати, именно она вдохновила его на создание «Тристана и Изольды». Композитор считал ее своей музой и старался убедить окружающих, что их отношения были исключительно целомудренными.

Но все испортила Матильда. Дело в том, что она была чрезвычайно честной женщиной и рассказала своему мужу правду о своих отношениях с Вагнером. Но одновременно убедила его прекратить с ней сексуальные отношения, выделить композитору финансовую помощь, позволить поселиться в соседнем с ними доме и поддерживать с ним дружеские отношения.

Однако Минна Вагнер не верила, что отношения Рихарда и Матильды были исключительно дружескими. Когда же в ее руки попало их любовное письмо, она полностью убедилась в своей правоте. Разъяренная Минна устроила сцену ревности сначала мужу, а затем Матильде, которая была в ужасе от того, что Рихард не рассказал жене об их отношениях. И она сразу разорвала все отношения с Рихардом и вернулась в постель своего законного супруга. Минна тоже покинула Вагнера. И, как известно, больше они вместе почти не жили...

В 50-летнем возрасте у Вагнера появилась новая пассия – 25-летняя Козима фон Бюлов, с которой он был знаком около 10 лет. Она была дочерью его друга Ференца Листа и женой любимого ученика Ганса фон Бюлова. Но за 5 лет до этого у композитора были любовные отно-

шения со старшей сестрой Козимы – Блондин, которая была более привлекательной. Однако именно Козима стала его любовью.

В свой медовый месяц фон Бюловы отправились в Цюрих, а оттуда заехали в Азил, где находился и загородный дом Матильды. Там же в то время была и Минна. Сначала Козима почти открыто жила и со своим мужем, и с Вагнером. Но спустя несколько лет она переехала к Вагнеру, взяв с собой и двух своих детей. Позже она родила еще двоих детей, отцом которых был уже Вагнер.

После смерти Минны, в 1870 году, Рихард Вагнер и Козима поженились. При этом она оказалась той женщиной, которая смогла сделать семейную жизнь великого композитора счастливой.

Вагнер умер у нее на руках после сердечного приступа. И еще сутки безутешная Козима держала его в своих объятиях. Затем она отрезала свои длинные волосы и положила их на сердце мертвого Вагнера.

Маяковский и Лиля Брик

Главной женщиной в жизни поэта Владимира Маяковского была Лиля Брик. О начале романа с Маяковским Лиля Юрьевна позже вспоминала: «Это было нападение. Володя не просто влюбился в меня, он напал на меня. Два с половиной года у меня не было свободной минуты – буквально. Меня пугала его напористость, рост, его громада, неумная, необузданная страсть. Любовь его была безмерна. Когда мы познакомились, он бросился бешено за мной ухаживать».

Ему нравилось дарить ей подарки, которые она с удовольствием принимала. Самым же изысканным среди них стало кольцо, внутреннюю поверхность которого украшали ее инициалы. А при чтении по кругу получалось слово «люблю».

Лиле Брик Маяковский посвятил и поэму «Про это», где помещены ее изображения в разных ракурсах, в том числе и в пижаме. Таким образом поэт, скорее всего, пытался заявить не только о своей любви к Лили, но и о полном праве на обладание ею.

Но притязаниям Маяковского мешало существенное обстоятельство: у Лили был муж. Однако поэт этот факт не смущал. Хотя, пытаясь пренебречь им, он оказался в сомнительной и довольно сложной ситуации. К тому же он становился причиной дискомфорта в семейных отношениях Бриков.

О том, в каком положении оказался Маяковский, описал поэт Николай Асеев: «Он выбрал себе семью, в которую, как кукушка, залетел сам, однако же не вытесняя и не обездоливая ее обитателей. Наоборот, это чужое, казалось бы, жилье он охранял и устраивал, как свое собственное устраивал бы, будь он семейственником. Гнездом этим была семья Брик, с которыми он сдружился и прожил всю свою творческую биографию».

Несомненно, очень непонятные взаимоотношения, в которых трудно разобраться обычному человеку. Маяковский утверждал, что одинаково сильно любит обоих. Но почему-то в своей предсмертной записке писал: «Моя семья – Лилия Брик». Но не Лилия и Ося Брик.

Вероятнее же всего, поэту нужны были обои Брики. Но если Лилю он страстно любил, то Осю он считал своим покровителем, истиной в последней инстанции. Ведь Ося даже знаки препинания расставлял в стихах Маяковского.

И первым читателем его произведений тоже был Ося. Кроме того, ему принадлежали идеи и замыслы поэм, он занимался редактурой, контролировал сдачу готового материала в печать. Короче говоря, в определенной степени Ося Брик вылепил того Маяковского, каким он сегодня известен. Итак, Брики стали для Маяковского семьей со всеми теми явлениями, которые ей сопутствуют: с любовью, ненавистью, ревностью, ссорами, примирениями...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.